

ИСКРКА

12 ДЕКАБРЬ
1986

ИСКРА

12 ДЕКАБРЬ
1986

ИЗДАЕТСЯ
С 1957 г.

газеты
Ленинские
искры;
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И.Ленина

ил в одной дере-
вушке столяр по
имени Андерсон —
искусный мастер.

Однажды перед
самым Новым го-
дом, в то время,
когда жена и дети
наряжали ёлку,

Андерсон потихоньку выскользнул из
дому. В сарае у него был пригото-
влен мешок с подарками — с конфета-
ми, хлопушками, разными игрушка-
ми, — он решил нарядиться Сан-
та-Клаусом и повеселить своих
ребятишек — Петера, Марту и Ола-
фа.

Уложил он свои подарки на сан-
ки, а санки подтащил к крыльцу. Но
дом стоял на пригорке, а склон был
крутой. Андерсон поторопился, по-
скользнулся, упал прямо на санки и
вниз покатился.

Вдруг — хлоп! — налетел с раз-
гона на человека, который шёл по
дороге.

— Очень прошу извинить меня! —

сказал Андерсон, выбираясь из сне-
га.

— Это я виноват, — оправдывал-
ся незнакомцу, поднимаясь из со-
седнего сугроба. Как и Андерсон, он
был в шубе и красной шапке — в
костюме Санта-Клауса.

— Я смотрю, ты нарядился точь-
в-точь как я! — рассмеялся Андер-
сон. — Тоже хочешь разыграть своих
детишек? — Он протянул руку не-
знакомцу: — Меня зовут Андерсон.
Я столяр.

— А я — Санта-Клаус.

Андерсон снова засмеялся.

— Что ж, Новый год — самое вре-
мя для шуток и всяких розыгрышей.

— Чтобы шутка стала ещё луч-
ше, — сказал незнакомцу, — давай по-
меняемся. Я отнесу подарки твоим
детям, а ты навестишь моих. Но
только сними этот костюм.

Андерсон удивился.

— Как же мне тогда нарядиться?

— Нарядиться не надо. Мои де-
ти видят Санта-Клауса каждый день,
но они никогда не видели настоя-

щего столяра. Как они тебе обрадуются!

«Так он действительно Санта-Клаус!» — понял Андерсон. А вслух сказал:

— Но ведь мне нечего подарить твоим детям.

— Подарки? — задумался Санта-Клаус. — Раз ты столяр, то возьми с собой сосновые чурбачки и свои стамески и свёрла. И молоток тоже... А остальное приложится.

Взял Андерсон в сарае инструменты и отправился в лес, к дому Санта-Клауса.

Как он нашёл дорогу? Нет ничего проще: по следам до берёзовой рощи, дальше — к двум соснам по тропинке, а потом к поваленному дереву, под которым — землянка.

Из-за трёх пеньков торчали на просеке три ребячьих носика, а над носиками — три красные шапочки, точь-в-точь как у Санта-Клауса.

— Ты кто? — спросили три маленьких Санта-Клауса.

— Я столяр Андерсон, а дорогу к вашему дому указал мне ваш отец.

— Настоящий, живой столяр! — обрадовались дети. — Дедушка, к нам пришёл настоящий, живой столяр!

Андерсону чуть ли не пополам пришлось согнуться, чтобы войти в землянку под поваленным деревом.

Но внутри землянки было просторно. Пол оказался земляным, вместо кресел — пеньки, на кроватях — мох. В самой маленькой кроватке лежал самый маленький Санта-Клаусёнок. А в углу на пеньке сидел дедушка Санта-Клаус. Он был туговат на ухо.

— Кто это к нам пожаловал? — громко спросил он.

— Это Андерсон, настоящий, жи-

вой столяр! — закричали в ответ дети и рассказали Андерсону, что их дедушка такой старый, что никогда не встаёт, всё время только сидит.

Старший мальчик потянул Андерсона за рукав:

— А ты можешь смастерить для меня санки?

Андерсон разложил инструмент, достал просушенные чурбачки и сделал санки — удобные, лёгкие, очень быстрые! Красивая получилась работа, аккуратная, чистая.

— А мне нужна кукольная постелька! — попросила девочка с рыжими косичками. — Я пеленаю полевых мышей и бельчат, укладываю их спать. Они любят со мной играть.

Только третий Санта-Клаус стоял в сторонке, глаза в землю опустил и ничего не просил.

— Что тебе подарить? — спросил его Андерсон.

— Не знаю, — прошептал мальчик.

Андерсон сделал ему волчок из соснового обрубка.

— Бери смелей и будь веселей!

А потом Андерсон отыскал длинный корень с крючком на конце и начал обстругивать его ножом.

— А это что такое будет? — обступили его дети.

Но Андерсон не сказал ни слова, пока не закончил работу: он сделал костыль для самого старого Санта-Клауса!

— Это тебе, дедушка!

Дети подали старому Санта-Клаусу костыль. Дед кашлянул, крикнул и — встал с пенька!

А самому маленькому Санта-Клаусёнку столяр смастерил из стружек птичку, с виду — синичку.

— Спасибо, столяр Андерсон! — закричали дети хором. — У нас ещё никогда не было такого замечательного Нового года — с подарками и настоящим, живым столяром!

Вернувшись домой, Андерсон первым делом спросил:

— Ну, какие подарки принёс вам Санта-Клаус, показывайте!

— Как будто ты их не видел! — Петер, Марта и младший, Олаф, хитро переглянулись. — Ведь это ты сам нарядился Санта-Клаусом и привёз нам подарки на санках.

— Как бы не так: я сегодня встретил настоящего Санта-Клауса, был у него дома, мастерил подарки его детям, а настоящий, живой Санта-Клаус приходил к вам.

Дети звонко засмеялись.

— Папа, это был ты, мы ведь догадались. Даже маленький Олаф знает, что чудес не бывает!

Андерсон рассердился:

— Это был настоящий, живой Санта-Клаус!

Но Петер, Марта и маленький Олаф всё равно не поверили.

И тогда столяр Андерсон пришёл ко мне и попросил записать его рассказ на бумаге гусиным пером и чернилами. Потому что, если истории рассказывают, то, бывает, и приврут для словца красного, ну а когда написано пером на бумаге, тут, дело ясное, — всё чистая правда!

Пересказал К. ВАСИЛЬЕВ

Исполнилось 60 лет ВОЛЬТУ НИКОЛАЕВИЧУ СУСЛОВУ — замечательному ленинградскому поэту, постоянному нашему автору, члену редколлегии и, кстати сказать, — одному из создателей журнала «Искорка».

В редакции собралось так много желающих поздравить Вольта Николаевича с юбилеем, что мы организовали круглый стол, а председателем посадили нашу Искорку.

Долгая молодость счастливого человека

К 60-летию
Вольта
Николаевича
Суслова

Искорка: Первое слово я предоставляю писателю Николаю Внукову — он дружит с нашим юбиларом более тридцати лет. Николай Андреевич, а как вы познакомились?

Н. А. Внуков: Было это давно. Я приехал в Ленинград с Крайнего Севера, привёз с собой рассказы о геологах. Решил предложить в газету. Зашёл в «Смену». Там сказали:

— Рассказы в самый раз для «Ленинских искр». Идите к Суслову.

Нашёл я кабинет Суслова. Открываю дверь.

Справа от двери — письменный стол. За столом — человек в очках. Вокруг стола — ребята в пионерских галстуках. Целая толпа, и у каждого в руках пакет. Ребята наперебой лезут к столу. Человек в очках говорит:

— Всех сразу не могу слушать. Давайте по очереди. Ну вот ты — давай первый.

Самый маленький мальчишка разворачивает свой пакет и выкладывает на стол ржавую железину.

— Вот. У платформы Кирилловская нашли.

Присмотрелся я — мать честная! — да это же кусок ручного пулемёта ДП-27. Я

Дружеский шарж М. Беломлинского

с таким пулемётом войну начинал.

Так мы познакомились, а потом подружились.

— А у меня — во! — Второй мальчишка ставит на стол пробитую осколком солдатскую каску.

Думаю — может, не туда попал! Не редакция здесь, а музей!

Тут человек в очках меня заметил:

— Вы ко мне!

— Не знаю, — говорю. — У меня таких экспонатов нет. У меня просто рассказы.

— Значит, тоже ко мне. Давайте рассказы.

Подаю я ему пачку листов, а сам сомневаюсь:

— Вы — редактор!

— Я, — говорит он, — и редактор, и Генка-ординарец.

— Какой Генка! Мне сказали — Вольт Николаевич.

— Я и есть Вольт Николаевич. И Генка — тоже, — отвечает он и показывает на ребят. — А это — мои следопыты. Ходят по заданным маршрутам, занимаются историей края. Я — их доверенное лицо.

Вольт Николаевич оказался великим

мастером на разные выдумки и оригинальные идеи. Бывало, придёшь к нему в редакцию после обеда, а выйдешь — над городом уже вечер синее, на улицах фонари зажигаются. Едешь домой, и хочется поскорее сесть за стол, начать новый рассказ, идею которого как бы между прочим подбросил Вольт Николаевич.

Позже я узнал, что во время Великой Отечественной Вольт Николаевич тоже служил в армии, а когда начал работать в пионерской газете «Ленинские искры», решил собирать в редакции музей Боевой и Трудовой Славы. Вот отчего пионеры — красные следопыты — тащили к нему в кабинет всё, что находили на местах жестоких боёв под Ленинградом. Сначала это было вроде игры. Но потом красные следопыты появились в нашей стране повсюду. А в редакции я увидел начало создания самого первого такого музея.

С Вольтом Николаевичем я крепко дружу до сих пор.

Искорка: Поэт Герман Гоппе тоже более тридцати лет дружит и работает с Вольтом Сусловым. Как раз сейчас они бок о бок трудятся в Клубе молодого литератора.

Герман Борисович, вам слово. Как вы думаете, что самое главное в характере нашего юбиляра?

Г. Б. Гоппе: Вольт Суслов — весёлый и талантливый человек. Это — самое главное. А талант односторонним не бывает. Он проявляется во всём, и прежде всего — в отношении к людям.

Я бы мог назвать десятки людей, жур-

налистская или писательская судьба которых во многом определилась потому, что Вольт Николаевич, не жалея сил и времени, помогал им проявить свою одарённость. Спроси его: трудно помогать, хлопотно, да и где время на всё это найти! Думаю, что подобные вопросы будут Суслову просто непонятны. А что касается времени, то у талантливых людей совсем не 24 часа в сутках, а значительно больше. Откуда они берутся! Вот это уж величайшая тайна даже для них самих.

А как Вольт Николаевич любит животных! Я помню время, когда в доме у троих его детей было по любимому котёнку: Клякса, Вакса и Плакса. И ребята — не без помощи папы — придумывали для них сказки и не забывали поить их тёплым молоком. Забота о котятках совсем не мешала им готовить уроки и, как выяснилось впоследствии, даже помогла им стать отличными специалистами и добрыми людьми. А уж о маленькой собачке Тяпе, любимице всей семьи и в первую очередь — внуков, можно припомнить множество увлекательных историй. Но делать этого не нужно. Вольт Николаевич сам написал о Тяпе и ещё, наверное, не раз вспомнит своего четвероногого друга в рассказах, стихах, песнях.

И, конечно, следовало бы назвать книги Вольта Николаевича Суслова и хотя бы обозначить их основные темы. Но в первых, даже самое беглое перечисление его произведений заняло бы не одну страницу, а во-вторых, и это самое главное, — читатели «Искорки» любят, читают, знают писателя и без моих подсказок.

Вольт СУСЛОВ

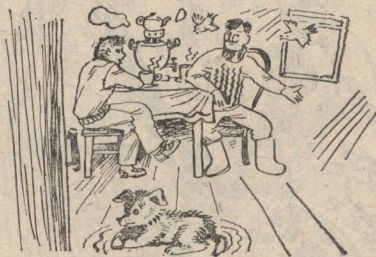
Стихотворения

У ДЯДИ КОСТИ

Почему-то к дяде Косте
Каждый день приходят гости...
То племянник дальней тёти,
То коллега по работе,
Футболист команды местной
И прохожий неизвестный...
Старый друг — однополчанин
Вдруг нагрянет по весне,
И сидят они за чаем,
Вспоминают о войне.

Если дождь стучит сердито,
С крыши катятся ручьи —
В доме форточка открыта:
— Залетайте, воробьи!

А вчера пришёл щенок,
Носом дверь толкнул и лёг

Прямо у порога
Отдохнуть немного.

Он лежал, дремал вполглаза,
Кем-то брошенный щенок.
Он, наверно, понял сразу:
Не прогонят за порог.

К дяде Косте — просто чудо! —
Всей деревне по пути!
Я таким же точно буду.
Мне бы только подрасти...

Искорка: Известно, что Вольт Суслов пишет ещё и сатирические стихи. Но может ли добрый и весёлый человек быть сатириком? Ведь про сатиру часто говорят «злая сатира»... Пусть нам об этом расскажет художник «Боевого карандаша» Леонид Каминский.

Л. Д. Каминский: Действительно, Вольт Суслов — человек добрый. Но только настоящему добрый человек и может быть сатириком. Разве человек не делает доброе дело, борясь с недостатками, которые мешают нам жить!!

В Ленинграде давно известен сатирический коллектив «Боевой карандаш». Его эмблема — палитра и остро заточенный карандаш. На первый взгляд, и то и другое — принадлежности художника. Но карандашом пользуются не только художники. В коллективе работают и поэты, а возглавляет этот поэтический цех Вольт Суслов.

Как-то мне вместе с Вольтом Сусловым поручили такую тему: высмеять малолетнего бездельника, который палец о палец не ударит, чтобы помочь дома по хозяйству. Мы стали придумывать плакат.

— Давай, — сказал я, — обыграем какую-нибудь сказку. Например, «Репку».

— Точно! — подхватил Суслов. — Все работают, тянут репку: и дед, и бабушка, и Жучка... Все — кроме внуки!

— Хорошо. Только нужно как-то показать, что внушка — бездельница, а то она, может быть, трудится — уроки делает!

— Пусть она рядом в гамаке лежит — загорает!

— И читает книжку «Русские сказки», — добавил я.

Вот так и получился сатирический плакат «Сказка ей не указка» со стихами Вольта Суслова:

Тянет бабушка,
Тянет дед...
Толку мало — внушки нет!
Где же эта внушка?
А внушка — белоручка!

Кстати, этот плакат был сначала напечатан на обложке журнала «Искорка», а уже потом в «Боевом карандаше».

Искорка: Все ребята хорошо знают песни на слова Вольта Суслова. А у нас в редакции — композитор Яков Дубравин. Интересно, как они с Вольтом Сусловым пишут песни?

Я. И. Дубравин: Я начну не с того как, а с того — сколько.

Вот уже пятнадцать лет мы дружим, работаем. За это время написали пять кантат, три вокальных цикла, а количество песен — и не сосчитать. Вся моя работа для кино, радио, телевидения и цирка тоже связана с Вольтом Николаевичем.

Суслов — высочайший профессионал. Он умеет работать легко и быстро, чётко понимает поставленную задачу, умеет находить точные афористические строчки. Юмор и мягкая улыбка, сатира и звонкий смех — всё это можно найти в стихах Вольта Николаевича. Самая серьёзная тема, к которой он обращается в песнях, — это тема войны, тема нашего родного города.

ПОДАРИТЕ МНЕ ЖИРАФУ

Подарите мне жирафу.
Подарите мне жирафу!
Подарите! Что вам стоит
Мне жирафу подарить?
Длинноногую жирафу,
Длинношеею жирафу
Я бы с маминого шкафа
Стал конфетами кормить.

На жирафе длинноногой
Я поплыл бы над дорогой,
И огромный кран подвѣсный
Мне кивал бы головой.
И кричали бы мальчишки:
— Ты не грохнись с этой вышки! —
Хорошо б на этот случай
Парашют иметь с собой.

С длинноногой, длинношеей
В старом парке на аллее
Мы б развесили скворешни
На берѣзах и дубах.

Вольт Николаевич прожил в Ленинграде блокаду, потому-то его поэтические строчки удивительно искренни, они пережиты и выстраданы. Мне очень приятно, что наша совместная работа — вокальный цикл «Ленинград и Победа» — отмечена премией Ленинградского комсомола.

А теперь — как мы пишем песни. Пишем по-разному. Я люблю писать на готовые стихи, и мы с Вольтом Николаевичем так чаще всего и работаем. Но иногда работаем над песней прямо у рояля, когда ещё нет ни стихов, ни готовых музыкальных тем. Слово рождает музыкальную интонацию, мотив подсказывает строку, одно «цепляется» за другое. И ещё: Вольт Николаевич умеет сочинять стихи на готовую музыку. Это очень трудно, и далеко не все поэты, работающие в песенном жанре, справляются с этим... А Вольт Николаевич — умеет...

Искорка: Как я люблю цирк! И потому очень рада предоставить слово режиссёру Ленинградского цирка Алексею Сонину. Ведь наш юбиляр работает и для цирка!

А. А. Сонин: Мы познакомились несколько лет назад. Мне очень нужна была весёлая песня. Я пригласил композитора Якова Дубравина, человека, глубоко цирку преданного. «Такую песню сочиню обязательно», — сказал он. — А слова пусть напишет Вольт Суслов. Позвоните ему. Он согласится с удовольствием!» Так всё и получилось. И с тех пор я постоянно обращаюсь к Вольту Николаевичу за помощью.

Цирк не терпит многословия. Но и без слов — коротких, метких, уложенных в упругие фразы, ему не обойтись.

А кто придумывает все нужные цирковому представлению слова?

Автор.

И чем он талантливей, тем радостней на сердце у зрителей.

Очень удачным, по-моему, было цирковое представление «Новый год друзей зовёт», адресованное детям. Написал Вольт Суслов и сюжетное представление для детей, посвящённое борьбе за мир. Были репризы-шутки для клоунов. Всего и не перечислишь!

Вольт Николаевич любил цирк до работы в нём, а теперь и цирк его полюбил. Есть за что!

Искорка: Поздравить Суслова с юбилеем пришёл к нам архитектор А. Д. Левенков... Как, разве Вольт Николаевич и к архитектуре имеет отношение?

А. Д. Левенков: В какой-то мере, да. Когда весной 1982 года я заканчивал работу над пятью стелами, которые должны были встать рядом с памятником «Цветок жизни», понадобились стихи.

Стихи для памятника — это, на мой взгляд, самые ответственные стихи. Их строки не на бумагу ложатся — на камень. — Обратитесь к Суслову, — сказали мне в городском комитете комсомола, — он сделает.

Он написал быстро. И удивительно точно. Предельно кратко и выразительно. Со многими поэтами доводилось мне ра-

*Мы б монтерам помогали:
Вместе лампочки меняли
В разноглазых светофорах
И потухших фонарях.*

*Упросить непросто папу.
Упросить непросто маму.
Говорят: «В продаже нету...»
Нет такого пустяка!
Подарите мне жирафу!
Длинноногую жирафу!
А не можете жирафу,
Подарите хоть щенка...*

ПРО ЗМЕЯ ГОРЫНЫЧА

*Змей Горыныч трёхголовый
Заказал обед в столовой:
Три солянки,
Три котлеты,
Три сосиски,
Три омлета,
Три кавказских шашлыка,
Три цыплёнка табака.*

*Три больших арбузных дольки,
Два пирожных...
— Сколько-сколько?
Два пирожных?
Только два? —
Третья слева голова
Влево-вправо покачалась
От десерта отказалась,
Заявила гордо всем:
— Я пирожные не ем!*

ботать, но с таким точным «попаданием с первого выстрела» встретился впервые. Вскоре на первой из стел выбили:

Был город-фронт.
Была блокада.
Был голод лют
и грозен враг.
Но пионеры
Ленинграда
Не отступали
ни на шаг.

К тем первым пяти стелам прибавилось ещё шесть памятников героям обороны Ленинграда, героям гражданской войны.

Здесь нужно сказать «и так далее», ибо наше содружество продолжается и сегодня.

Искорка: А сейчас я хочу обратиться к юбиляру. Вольт Николаевич, мы узнали, как вы работаете. Расскажите нам, как вы отдыхаете?

В. Н. Суслов: Вот уж чего не умею, так не умею...

Если я не пишу, то всё равно что-нибудь делаю. Чаще всего вожусь со своими коллекциями. Люблю собирать всё на свете! В основном — о Ленинграде, его истории. Газетные и журнальные вырезки, значки, книги, открытки. Все они требуют работы. Вырезки выклеиваю в толстые «амбарные» книги, а потом каталогизирую — в какой книге что. А то ведь и не найдёшь потом нужную вырезку. Их у ме-

ня около пяти тысяч. Значки — иной работы требуют, их нужно по планшетам раскреплять, систематизировать. А что делать, если нашёл что-то интересное, а журнал — библиотечный! Вырезать нельзя. Перепечатаваю на машинке, систематизирую, отдаю в переплёт. Так собралось у меня уже три книги «Самое-самое» — любопытные мелочи о необычайных рекордах. Собрались и две книги занимательных историй из жизни великих людей.

Книги не коллекционируют, но тоже собирают или подбирают по какому-то замыслу, направлению. Я собираю книги о родном городе. Если иной книги достать нельзя, а иметь хочется — тоже перепечатаваю на машинке, а потом переплетаю.

Эти занятия и есть мой отдых.

В дни отпуска! Никогда не сижу на месте, не лежу на пляже. Еду, лечу, плаваю. Мне уже легче сказать, где я не был, чем перечислить города и страны, где побывал. А вернёшься — сколько фотоплёнок проявить, смонтировать кинофильмов!..

Отдых это! Наверное, да. Но — активный. Только такой и признаю.

Искорка: Мне кажется, мы получили полное представление о жизни и творчестве нашего юбиляра. Закрывая круглый стол, я хочу от своего имени, от имени нашей редколлегии, наших читателей и всех почитателей таланта Вольта Николаевича Суслова поздравить его — нет, не с шестидесятилетием, а с долгой молодостью, с неугасающим талантом доброго, счастливого человека.

НА ЧЁМ Я КАТАЛСЯ

Я в детстве катался на маленьком пони,
Катался по рельсам в трамвайном вагоне,
Конечно, в троллейбусе,
На карусели,
Летал самолётом в Коломбо и в Дели,
И там (вы, надеюсь, поверите мне)
Катался я даже верхом на слоне.
Но лучшие всего,

я могу вам признаться,
Зимой
под горку
на лыжах кататься!

Рис. О. Филипенко

Олег Данилов

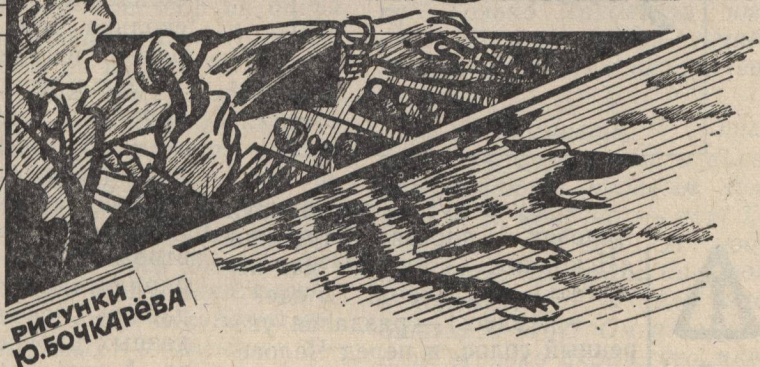
ИМЕНЕМ

Научный консультант-
кандидат
юридических наук
В.С. ТИМЕСКОВА

12
РАССКАЗОВ
О БОРЬБЕ ЗА ИСТИНУ
И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

С
РАССЛЕДОВАНИЯМИ,
ИССЛЕДОВАНИЯМИ,
ПРЕСЛЕДОВАНИЯМИ,
СУДЕБНЫМИ
ЗАСЕДАНИЯМИ
И
ЮРИДИЧЕСКИМИ
КАЗУСАМИ.

ЗАКОНА!

РИСУНКИ
Ю. БОЧКАРЁВА

ОТ РЕДАКЦИИ

Как и полагается в предновогоднюю ночь, у нас в редакции случилось невероятное происшествие. Героем его оказался наш автор — Олег Данилов. Здорово ему пришлось поволноваться! Но теперь уже всё позади, Олег успокоился и, конечно, написал рассказ. Причём представил всё так, будто и рассказывает не он, а мы — редакция.

Итак!..

...На редакционном столе приветливо подмигивала разноцветными огоньками маленькая ёлочка. Булькал электрический чайник. В вазочках едва умещались сухари, печенье, конфеты и хлебные палочки... Мы принимали гостей. Нас пришли поздравить с Новым годом прокурор Николай Николаевич Кириллов, капитан Соколов, лейтенант Ивченко и Нина Алекс... — простите — тоже Ивченко, уже четыре дня.

Нина специально для этой встречи испекла пирог с яблоками, и лейтенант очень волновался — понравится нам или нет!

— М-м-м! Как вкусно! — сказали мы, попробовав. — Потрясающе! Как жаль, что нет Олега Данилова! Он такой любитель пирогов!

— А где он! — поинтересовался Николай Николаевич.

— Пошёл дописывать очередной рассказ из серии «Именем Закона!..». Первую часть принёс позавчера — вот она, — а окончание обещал сегодня, к нашей встрече. Но что-то опаздывает...

— А по-моему, тесто не совсем дошло... — сказал лейтенант Ивченко. Ему очень хотелось, чтобы Нинин пирог ещё похвалили.

— Да что вы! — немедленно возмутились мы. — Прекрасное тесто! Просто гениальное!

— Молодец! Стараешься! — строго сказал лейтенант Нине и, не выдержав, заулыбался.

Мы налили гостям ещё чаю.

— Но где же Олег! Ведь скоро номер сдавать... Давайте почитаем первую часть его рассказа, — предложили мы. — А он тем временем, глядишь, появится и принесёт остальное. Может быть, у вас возникнут замечания, юридические поправки! Такое обсуждение будет полезным.

Наши гости согласились, и мы начали читать.

РАССКАЗ ДВЕНАДЦАТЫЙ

Закон и законность

— Ну и ну! — воскликнул Человек, листая страницы «Искорки». — Кто бы мог подумать!.. Эй, Закон! Ты где?

— Я здесь! — раздался уверенный голос, и перед Человеком снова появился его старый знакомый — Закон. — Что случилось?

— Нет, ты только посмотри! — Человек схватил со стола один из журналов и стал искать нужную страницу. — Видишь? «Именем Закона!..» Про нас с тобой пишут!

— Ах, вот ты о чём!.. — улыбнулся Закон. — Знаю. Как же! Я внимательно слежу за всеми публикациями на юридические темы, в том числе и за этой... Но ты, я вижу, чем-то взволнован?

— Как-то странно получается, — задумчиво сказал Человек. — Ты, Закон, устанавливаешь разные правила на все случаи жизни... Вроде бы и шагу нельзя шагнуть, чтобы тут же не нашлось какой-нибудь инструкции, или указа, или ещё чего-нибудь...

— В известной степени это верно, — сказал Закон. — Ну и что?

— А то, — Человек печально вздохнул, — что нарушают тебя всё время! Я вот все выпуски прочёл подряд —

ужас что творится! Никакого порядка!

— Подожди! — нахмурился Закон. — А разве в каждом из этих случаев справедливость не восстанавливается? Разве виновные не получают по заслугам? Разве те, кто пострадал, не добиваются правды?

— В итоге — конечно! — согласился Человек. — Но сколько при этом происходит разных неприятностей!

Закон некоторое время собирался с мыслями.

— Ну, во-первых, — наконец сказал он, — случаи, описанные Олегом Даниловым, — это ещё не вся жизнь. А во-вторых, Олег специально выбирал такие события, которые давали повод рассказать о разных нарушениях норм права. А что касается неприятностей — давай-ка разберёмся, почему они происходят. Все эти события, а они очень разные, произошли по одной причине.

— Как по одной? Там столько всего...

— Давай разберёмся! — снова предложил Закон. — А для начала вспомним. Эй, Время!

— Я здесь! — раздался тихий голос Времени. — Я всегда рядом! Что тебе нужно, Закон?

— Мы хотим ещё раз побывать в тех ситуациях, о которых рассказывали ребята из 6-в. Ты можешь нам помочь?

— Конечно! — тихо ответило Время. — Сейчас мы перелистаем журнал за этот год. Вперёд, Человек и Закон!

— ...мой брат, — продолжал рассказывать Дима Ковальский, — работает в булочной ночным приёмщиком товара. Приходит в восемь утра домой и самый свежий хлеб приносит — и батончики, и ватрушки, и бублики... Он за них

не платит! Зачем он будет платить, если сам их разгружает?

— ...призывы — призывами, а раствора-то нет! — вздохнул учащийся ПТУ Витя Круглов. — А территория вокруг дома — ой-ёй-ёй! Доски валяются, бочки из-под чего-то, мусор, всё под снегом, а снег наполовину растаял — страшный сон! А мастер командует — раствор из бадьи будем таскать сами! А лебёдка опять не работает...

— ...мой муж, видите ли, гордый! — закричала актриса Людмила Макаровна, «мать» Игоря Бондаренко. — Он перед ними унижаться не желает! Он лучше будет пьянствовать и на весь белый свет обижаться! Вот и докатился!

— ...помимо аккуратно выплачиваемых алиментов, — хорошо поставленным голосом произнёс старший Снежков, — мною было приобретено для сына... — Он достал из кармана бумажку и стал читать: — ...игрушка автомобиль «Москвич» стоимостью 3 рубля 87 копеек; куртка подростковая из материала «болонья» стоимостью 18 рублей 12 копеек; портфель школьный детский стоимостью...

— Да подавись ты! — с ненавистью сказал вдруг Снежков-младший и сплюнул прямо на пол.

— ...наш пионерский лагерь сразу поскуჩнел, — вздохнул четвероклассник Сева Славкин, — потому что начальник

— На этом рассказ обрывается, — вздохнули мы. — А Олега до сих пор нет!

— Начало у рассказа неплохое, — заметил прокурор Кириллов. — Безусловно, есть смысл рассматривать эти происшествия в совокупности.

— Наверное, — предположила Нина, — Данилов имел в виду, что всё это произошло с ребятами из одного класса! Хотя нет: Витя Круглов — учащийся ПТУ, Сева Славкин — из четвёртого класса... Дело, видимо, не в этом...

— Конечно, не в этом! — согласился Соколов. — Интересно, какой вывод сделал сам Олег?

Тут в коридоре послышался топот, и в редакцию буквально влетел наш долгожданный автор. Шапка на нём была надета набекрень, шарф съехал на сторону, сам Олег тяжело дышал, пыхтел и отдувался.

— Караул! — закричал он с порога. — Меня ограбили! Отняли рукописи! Куда милиция смотрит!

отдал приказ: в милицию не сообщать, чтобы позора не было, а искать самим.

— ...ночью я проснулся от звона разбитого стекла, — продолжал Андрей Киселёв. — Все три окна дяди Петинной квартиры оказались выбитыми. Дядя Петя тогда заявил в милицию. «Пожалуйста, — сказал участковый. — Я их мигом за хулиганство привлеку. Только свидетели нужны!» Но никто из нашего двора не захотел идти в свидетели...

— ...понимаешь, писатель... — Стриженный в волнении взмахнул пудовым кулаком, — я, конечно, — вор! Так я и живу как вор. От людей хоронюсь, по стране болтаюсь, в колониях то и дело «заседаю»... А этот? Он у государства столько украл, что мне и не снилось. А при всём при том — на работе состоит, живёт с семьёй, с сынишкой, не прячется, от каждого милиционера не шарахается...

— ...а на фабрике на этой порядочек — черт-те что! — ухмыльнулся Серёжа Иванов. — Ворота — настежь, пропуска не проверяют, выноси, что хочешь!..

— Спасибо тебе, Время! — воскликнул Закон. — Ну, вспомнил? — обернулся он к Человеку.

— Вспомнить-то вспомнил, — пожал плечами Человек. — Но что во всех этих случаях общего?

— Говорите конкретнее! — быстро сказал капитан. Олег бухнулся в кресло и, немного отдышавшись, начал рассказывать: — Поднимаюсь я по лестнице, а на площадке третьего этажа темно. Лампочка не горит. Никого нет вокруг. И тут — несколько каких-то типов... лица закрыты шарфами... в руках ножи...

— Боже мой! — ахнули мы. — У нас в редакции!.. — Именно! — печально вздохнул Олег. — Давай, говорят, портфели! Один открыл, нашёл «Именем Закона!..». Ага, говорит, это нам и нужно! Забрали и исчезли!

— Товарищи! — потребовали мы у сотрудников милиции. — Вы должны немедленно начать поиски!

— Да ладно!.. — махнул рукой Олег. — У меня дома остался второй экземпляр... Сейчас вот отдышусь, пирога попробую... Ой, вкусно-то как! — и через полчаса привезу...

— То есть как — ладно! — возмутились мы. — У нас в редакции орудут грабители... Надо найти!

— Не надо, — спокойно сказал капитан Соколов. — Сами найдутся. Да вот, кстати, и они!..

За дверью послышался смех, звонкие голоса, и в редакцию ввалилась целая орава ребят — наших старых знакомых из 7-в. Тут был и толстый Лёша Волков, и Игорь Бондаренко, и Оля Круглова, и Андрей — в общем, вся компания.

— С Новым годом! — закричали они. — С новым счастьем! Лёша Волков взмахнул рукой, и ребята, закрыв лицо шарфами, обступили кресло, в котором сидел Олег Данилов.

— Не двигаться! — выхватив из кармана кухонный нож, зловещим шёпотом проговорил Лёша. — Отдавайте портфели! Быстро!

Олег подпрыгнул в кресле, как будто в него впиалась пружина.

— Это вы!! — изумлённо воскликнул он. — Вот это да! А я-то!.. Ну, надули!.. Ой, не могу!

И он громко, раскатисто захохотал. Ребята тоже засмеялись. Заулыбалась Нина Ивченко, весело переглянулись мы. Но ни капитан Соколов, ни лейтенант Ивченко, ни прокурор Кириллов веселья не поддержали.

— М-да! — задумчиво сказал Николай Николаевич, когда смех поутих. — Целый год вы, Олег, пишете рассказы о законодательстве, целый год ребята их читают, и тем не менее!..

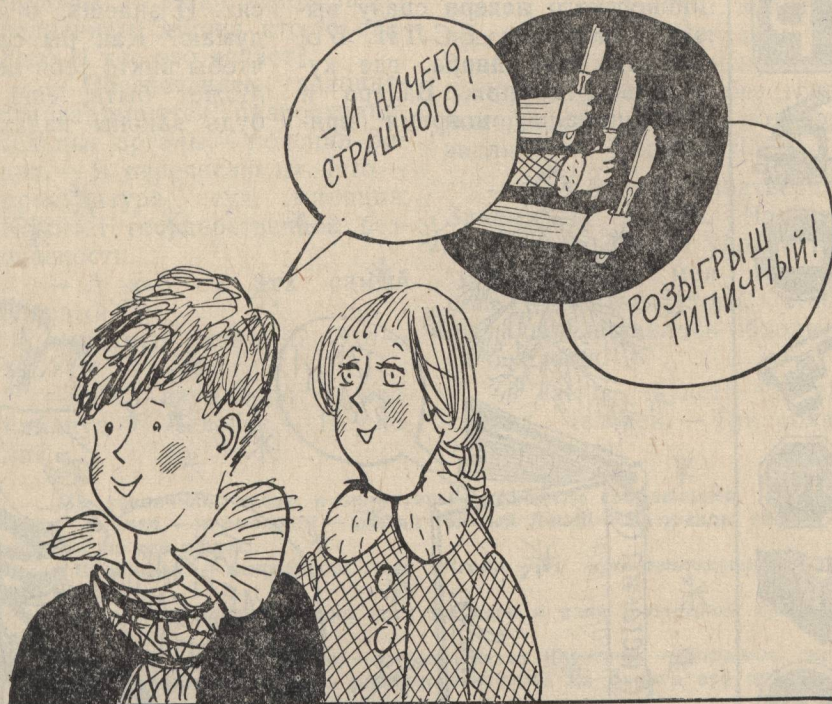
— А что такое! — удивился Олег. — Это ведь была шутка! Новогодний розыгрыш! В чём дело!

— А где окончание рассказа Олега! — вместо ответа спросил Соколов.

— Вот! — Игорь вытащил из кармана свёрнутую в трубочку рукопись. — И не помяли нисколько!

— Я сразу понял, что это ваших рук дело! — сказал капитан. — Кто ещё из грабителей станет «Именем Закона!» требовать! Давайте-ка, товарищи, дочитаем рассказ до конца, а потом обсудим — и рассказ, и этот случай!

Мы нашли то место, на котором остановились, и стали читать дальше.

— Вспомнить-то вспомнил, — пожал плечами Человек, — но что во всех этих случаях общего?

— Равнодушие! — сурово произнёс Закон. — А чтобы ты лучше это понял, давай с тобой проведём эксперимент, который называется «Если бы!..».

— Давай! — согласился Человек. — Что я должен делать?

— Я буду тебя спрашивать, — сказал Закон, — а ты будешь отвечать — «да» или «нет». Хорошо?

— Хорошо! — кивнул Человек. — Спрашивай!

— Итак! — Закон поднял палец. — ЕСЛИ БЫ Юру Ковальского вовремя остано-

вили его товарищи — грузчики или кто-нибудь из администрации магазина, стал бы он брать булки или бублики?

— Нет! — уверенно сказал Человек.

— А могли они это сделать?

— Да!

— ЕСЛИ БЫ мастер на стройке, вместо того чтобы отдавать незаконные распоряжения, потребовал бы у начальника управления обеспечить участок всем необходимым — возник бы конфликт между начальником и ребятами?

— Нет!

— А мог мастер это сделать?

— Да!

— ЕСЛИ БЫ...

— Я понял! — воскликнул Человек. — ЕСЛИ БЫ товарищи «отца» Игоря Бондаренко вовремя вступились за него; ЕСЛИ БЫ подружки Снежковой вовремя заметили, что она спивается, и вмешались; ЕСЛИ БЫ начальник пионерского лагеря сразу вызвал милицию; ЕСЛИ БЫ жильцы того двора, где хулиганили Шурик, Валера и Паша-папаша, вовремя при-

— Знаешь, что я вспомнил? — тихо сказал он. — Ведь и со мной было нечто подобное... Помнишь, как я махнул рукой на своё изобретение, не стал помогать другу, сделал вид, что не замечаю махинаций своего соседа... Хорошо, что ты тогда, Закон, вмешался... И знаешь, о чём я ещё думаю? Как бы сделать так, чтобы никто тебя не нарушал? Может быть, ещё какие-нибудь законы издать? Может

звали их к порядку; ЕСЛИ БЫ соседи и сослуживцы Дмитрия Анатольевича Иванова вовремя сообщили в ОБХСС, что он живёт не по средствам, то — ВСЕГО ЭТОГО НЕ СЛУЧИЛОСЬ БЫ.

— Вот об этом я и говорю! — подтвердил Закон. — Любое преступление, любое нарушение законодательства возможно только там, где есть это страшное зло — равнодушие.

Человек вдруг покраснел и стал смотреть в пол.

быть, их, то есть вас — не хватает?

— Ты так думаешь? — покачал головой Закон. — Смори!

Исчезли стены комнаты Человека. А вместо них возникли уходящие вдаль книжные полки. Плотно, корешок к корешку, стояли на них объёмистые тома.

— Перед тобой, — торжественно произнёс Закон, — мои владения! На этих полках собраны все правовые нормы нашего государства! Здесь запи-

сано всё, что нужно для управления поведением людей в самых разных ситуациях. Но, оказывается, только записать закон — мало. Важно ещё добиться того, чтобы все положения Закона выполнялись. Это и есть ЗАКОННОСТЬ.

— Я понял! — воскликнул Человек. — Надо, чтобы за исполнением Закона кто-то следил! И кто это делает?

— Обеспечением законности занимаются правоохранительные органы, — пояснил Закон. — Я перечислю их. Это — прокуратура, суд, милиция, Комитет государственной безопасности...

— А кто из них самый главный?

— Самый главный? Это — ты.

— Я? — изумлённо воскликнул Человек. — Неужели?..

...Мы закончили чтение и внимательно оглядели собравшихся.

— А чего — нормально! — сказал толстый Лёша. — Я, правда, начала не слышал, но всё равно...

— Правильно! — поддержал его Игорь. — И про равнодушие, и про нас всех!

Олег присоился, заложил ногу на ногу и взял очередной кусок пирога.

— Вот это и удивительно! — резко сказал Кириллов. — Впрочем, ситуация, к сожалению, довольно распространённая! На бумаге всё правильно, а в жизни!..

— Вот вы, Олег, о равнодушии написали. Мол, равнодушие — главное зло! — с усмешкой взглянул на нашего автора капитан Соколов. — А сами! «Искать не надо, да ладно, у меня второй экземпляр есть!» Ведь вы наверняка не пошли бы в милицию заявить о случившемся! Постарались бы забыть поскорее сегодняшнюю неприятность на лестнице — и всё. А тем самым скрыли бы факт ограбления. Вы же не знали, что оно шуточное! Что это — разве не равнодушие!

Олег покраснел.

— Да, пожалуй, вы правы...

— А вы, голубчики! — лейтенант Ивченко строго посмотрел на ребят. — Тоже хороши! Разве можно такие номера устраивать!

— А что такого! — обиженно заголосили ребята. — Мы бы рукопись отдали! Да мы и отдали! И ничего страшного! Розыгрыш типичный!

— На площадке темно было! — спросил лейтенант.

— Темно! — подтвердил Андрей. — Мы нарочно лампочку вывернули!

— Темно! — повторил лейтенант. — А если бы вы в этой темноте перепутали! И вместо Олега на меня, предположим, напались! Я ведь тоже не сразу бы разобрал, с кем дело имею! И что бы с вами было!

— То есть как это — ты бы не разобрал! — недовольно взглянул на него Соколов. — Ещё только этого не хватало!

— Я к примеру, смутился лейтенант. — Всякое бывает...

— Тут другой пример напрашивается! — вмешался прокурор. — Вы в медицинскую карточку Олега давно заглядывали, друзья дорогие!

— Вообще не заглядывали, — недоуменно переглянулись ребята. — А что!

— А вдруг у него сердце больное! А тут — темно, ножи, угрозы!.. Чем это могло кончиться!..

— Да! Ты и твои товарищи. Все люди.

— Если все люди, — послышался тихий голос Времени, — перестанут быть равнодушными, то настанет — поверьте мне, я-то знаю! — настанет такое Время, когда станут ненужными суды и тюрьмы, адвокаты и прокуроры, погони и преследования. Когда и ты, Закон, окажешься ненужным, потому что люди и без твоей помощи станут жить по справедливости! Так будет!..

— Так будет! — подтвердил Закон. — И поверь, Человек, я с удовольствием уйду в Историю. Ведь моя главная цель — добиться того, чтобы вы, люди, научились обходиться без меня!

— Так будет! — твёрдо сказал Человек. — Так обязательно будет!

Тяжёлое молчание повисло в редакции.

— Мы, как лучше, хотели, — едва слышно сказал наконец весь красный Андрей. — Под Новый год повеселиться...

— Не ругайте их, Николай Николаевич, — вступилась Нина. — Ну не подумали ребяташки!.. Не преступники ведь они!

— Нет, конечно! — согласился прокурор Кириллов. — Но случись что с Олегом — могли бы ими стать... И опять — то же самое равнодушие: о развлечении подумали, а о возможных последствиях — и в голову не пришло!.. А почему, кстати, среди вас нет Серёжи Иванова?

— Он теперь всё дома торчит! — сказала Оля. — Да ну его! Какой оказался — надо же!

— И опять — равнодушие! — воскликнул Кириллов. — Опять это проклятое зло! Мало того, что проморгали парня, вовремя не остановили, не вмешались — так хоть теперь помогли бы ему вернуться к нормальной жизни! А вы — «ну его»!

Наступившую тишину прорезал телефонный звонок.

— Да! — сказали мы в трубку. — Да, здесь! Вас, товарищ капитан!

— Я! — Соколов несколько мгновений внимательно слушал. — Ясно! Жив инкассатор! Слава богу... Да. Едем!

— Я ужинать не приеду, Ниночка! — извиняющимся тоном сказал Ивченко.

— И завтракать тоже! — усмехнулся Соколов. — Поехали! До свидания, товарищи!

С улицы раздался затихающий вой сирены.

— Вы, Олег, — задумчиво сказал Николай Николаевич, — в конце своего рассказа нарисовали такую идиллическую картинку будущего, когда не понадобятся суды, милиция, законы! Совершенно верно — так будет! Но, боюсь, — не скоро! Много ещё нам всем предстоит работы!..

ещё ОТ РЕДАКЦИИ

Наши гости побыли у нас долго. Настроение у всех скоро улучшилось, особенно после того, как позвонил Ивченко и сказал, что всё в порядке, преступников схватила группа патрульной службы, а им с капитаном Соколовым ничего и делать не пришлось, так что пусть Нина не волнуется. И к ужину он успеет... Обрадованная Нина стала читать стихи, Николай Николаевич с большим юмором рассказал о самом первом своём деле, в котором он перепутал свидетеля с обвиняемым, а друзья семиклассники даже спели «В лесу родилась ёлочка»!

Эта встреча заставила нас призадуматься. Серия «Именем Закона!..» заканчивается, однако прерывать разговор о законодательстве, о его роли в нашей жизни, пожалуй, преждевременно. И мы решили вот что.

Разные, порой очень непростые, запутанные ситуации могут возникнуть в вашей жизни, ребята. И вот для того чтобы помочь вам найти выход из трудного положения, осветить тот или иной сложный вопрос, мы открываем в «Искорке» в будущем году «ЮРИДИЧЕСКУЮ КОНСУЛЬТАЦИЮ». Её будет вести наш автор Олег Данилов, а руководить работой, контролировать её, с точки зрения юридической точности, согласился Николай Николаевич Кириллов. Капитан Соколов и лейтенант Ивченко тоже примут участие в этой работе. Более подробно о «Юридической консультации» мы поговорим в мартовском номере «Искорки», когда соберёмся для подведения итогов нашего конкурса «Знаешь ли ты Закон!».

Ребята! Мы надеемся, что те уроки борьбы за истину и справедливость, которые содержались в серии «Именем Закона!..», не прошли для вас даром. Мы надеемся, что и в этом, новом году, и во все последующие годы вы будете сверять свои дела, поступки и намерения с требованиями Закона, будете активно помогать нашим правоохранительным органам в поддержании законности и правопорядка. Мы вам искренне этого желаем.

С Новым годом, друзья!

В декабре 1986 года замечательному советскому писателю Николаю Семёновичу Тихонову исполнилось бы 90 лет. Он родился в нашем городе. Здесь вышли первые его книги стихов и прозы. Дважды — в 1919 и 1941—1944 годах — он защищал родной город от вражеского нашествия. Солдат с винтовкою в руках, ставший на службу революции, и солдат, отстаивающий мир во всём мире, — главные герои книг Николая Семёновича Тихонова. Сегодня мы печатаем небольшую главу из документальной книги Дм. Хренкова, посвящённой Н. С. Тихонову.

ДМ. ХРЕНКОВ

Тихоновы, как и все жильцы флигеля, вставали рано. Окна их квартиры выходят во двор-колодец, неширокий, зимой и летом заставленный поленицами дров. Когда-то в этом доме, выходящем своей фасадной частью на Большую Морскую, жил Герцен. Пройдёт время, и Большую Морскую назовут именем Герцена. Вернувшись с фронта гражданской войны, Тихонов услышал о готовящемся постановлении и обрадовался: ему всегда казалось, что дом хранит добрую память о писателе и революционере...

— Милорд, вставать! — кричит из кухни брат.

— Спать, известное дело, полезно. А вот керосин жечь — денег не напасёшься. — Это уже голос отца, Семёна Сергеевича.

Но Семён Сергеевич ворчит скорее для порядка: ему, сыну крепостного, по душе страсть Николая к чтению. Может, станет образованным человеком, а не брадобреем, как он сам? Он служит во французской пирульне, которая находится тут же, по соседству, на Большой Морской. Клиентура богатая. Правда, от дол-

гого стояния устают ноги. Но ведь чем больше стоишь, тем звонче в кармане мелочишка, брошенная клиентами на чай. Вот жене, Екатерине Давыдовне, деньги достаются трудней. Известное дело — портниха: от писка и претензий заказчиц каждый день голова кругом идёт. Старший сын Степан пошёл по стопам отца. А что ожидает Николая и его сестру Антонину? Никто не мог ответить на этот вопрос. Но что им довелось бегать в школу — радовало.

Семён Сергеевич будто ненароком заходит в комнатёнку сыновей, видит, как Николай искусно устроил из книг выгородку для лампы: брату спать не мешает, а самому свет на подушку падает. Хитрец! Отец касается пальцами корешков книг. Все напечатаны по-русски, а имена авторов в одночасье и не произнесёшь: Луи Буссенар, Генри Хаггард, Майн-Рид, Фенимор Купер. А вчера были ещё какие-то Салгари да Киплинг... Что ж, ученье — свет, неученье — тьма. Пусть Николай почитывает. С умом, конечно! Зря керосин жечь нечего.

Как бы удивился отец, если бы

узнал, что сын не только почитывает! И ночью, и среди дня, вернувшись из школы, достаёт заветную тетрадь и пишет, пишет, пишет.

Николай Семёнович Тихонов признаётся потом, что смеялся и плакал над книгами.

«Книги заставляли меня думать о том, каким надо быть в жизни, — напишет он. — Я не любил злых книг, где писатель издевался над людьми, не любил пустых книг, которые не позволяли радоваться или печалиться. Я любил книги, где были герои, приходившие на помощь людям, боровшиеся за правду, побуждавшие всё злое. Под влиянием книг начал с детства сам сочинять романы, где мои герои много путешествовали, сражались за свободу угнетённых народов, были красивые, храбрые, умные. Такие герои мне нравились, и даже если они умирали в борьбе, мне не было грустно, потому что они правильно вели себя и ничего не боялись — ни испытания, ни смерти...»

Сегодня эти тщательно переплетённые рукописные тетрадки с собственноручными рисунками автора берёшь в руки трепетно, хотя и не без снисходительной улыбки. Впрочем, почему «снисходительной»? Писания юного Тихонова были для него, наверное, как гаммы для музыканта. Но от этих, так и оставшихся в рукописи, юношеских сочинений прослеживается цепочка к его основным книгам, занявшим почётное место во всех библиотеках.

Как я просил в своё время Николая Семёновича перепечатать их на машинке, чтобы нам при сегодняшнем чтении, которое больше напоминает разгадывание ребусов, не раздражаться, а уметь сразу же ухватить смысл.

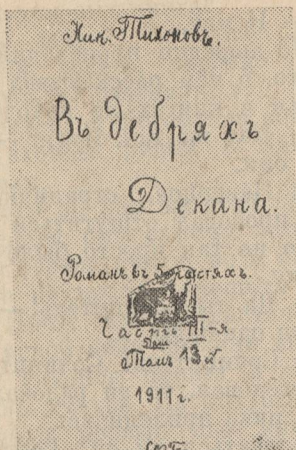
Николай Семёнович Тихонов.
Фотография последних лет.

— Ну, батенька, мне это уже не под силу. Вы предлагаете путешествие на ощупь, которое займёт уйму времени. Пусть уж полежат. Что им сделается?

У него времени на архив так и не хватило, а наше сегодняшнее путешествие по архиву Тихонова — занятие увлекательнейшее. Вряд ли все эти «В дебрях Декана», «Чернокожие», «Вокруг света на автомобиле» могут обрести самостоятельную жизнь. Но представление о том, как упорно работал юный писатель, сколь ответственно подходил к сбору материалов, они дают.

Тихонов подробнейшим образом изучал путеводители, истории войн и восстаний, карты, справочники. Особенно хорошо он знал Индию. Он знал не только её реки, их протяжённость, температуру воды, берега, источенные водой, массивы тропических лесов, заливы, где можно без опаски пристать к берегу, чтобы отдохнуть или выбрать удобное место для нападения на врага. Он знал о некоторых стычках индусов с англичанами в таких подробностях, с такими деталями, словно сам принимал участие в этих боях.

Когда Николай Семёнович впервые приехал в Индию, он удивил не только друзей, но и местных жителей тем, что свободно ориентировался на любой местности, мог рассказать об истории развалин крепостей,

Страницы рукописи юношеского романа
(из архива Н. С. Тихонова).

о том, куда спешат ручьи и малые речки. Тогдашний глава индийского правительства Джавахарлал Неру пошутил: «Вы знаете об Индии больше, чем её премьер-министр».

И ещё одно свидетельство удивительной памяти Тихонова.

В 1935 году вместе с советской делегацией Николай Семёнович приехал в Париж на Международный конгресс в защиту культуры. В Париже работал корреспондентом «Известий» его давний друг Илья Григорьевич Эренбург. По письмам Эренбургов Тихонов знал адрес и примерно представлял себе район их проживания. Каково же было удивление Эренбургов, когда в один из вечеров на пороге их квартиры появился Тихонов, который не пользовался услугами такси или городского транспорта, а шёл пешком — от памятника к памятнику, от одной достопримечательности Парижа к другой. Он знал о них из книг.

А меня Николай Семёнович любил водить по окрестностям Переделкина. Он знал все тропки, показывал гнёзда птиц или, лукаво поднося к губам указательный палец, вдруг раздвигал кусты, и перед нами оказывалась семья белых грибов. «Что ж, родненькие, дождались своего хозяина, набрали силу!»

В минувшую войну все военные корреспонденты, работавшие на Ле-

нинградском фронте, почитали за особое отличие сходить с Тихоновым на передний край: с Николаем Семёновичем невозможно было сбиться с дороги, потерять ориентировку.

Как-то Николай Семёнович заговорил со мной о не реализованных им возможностях.

— Мне хотелось написать о даре следопытства, который каждый может — и должен! — в себе развивать с детства. О, это было бы не научное руководство. А серия новелл, героями которых были бы люди, птицы, звери, деревья, реки...

И он снова возвращался в детство, в общеобразовательную школу на Почтамтской улице, потом в Торговую, которая находилась на Фонтанке. Разные это были школы. Но к обоим он сохранил на всю жизнь благодарность, хотя случалось, что на уроке географии он знал больше учителя, но не мешал уроку, а помогал: ведь давно известно, что вдвоём лучше идти к поставленной цели.

Со школой была связана ещё одна радость. Там можно было зайти в библиотеку. А на обратном пути — в две. И в каждой он находил новую книгу, узнавал что-то важное, то, о чём ещё вчера не имел представления.

Но вот пора домой. Хорошо, пока никого нет, развернуть тетрадку и пописать всласть. Хорошо... Только не всегда это удавалось. Вот и сегодня, стоило ему только склониться над рукописью, а со двора донеслось:

— Коля, выходи!

У полениц собрались друзья. Вышло так, что все они были книгочеи. Верховодил во дворе Павка Тырданов. И не потому, что был постарше других. Его выделяла какая-то особенная, трепетная любовь к книге. Ему казалось, что книга может интересно рассказывать, но может и не открыть себя, если тот, кто читает, делает это как бы между прочим. Интересную книгу можно читать и раз и другой, и всё время будешь находить в ней новое, то, что при первом знакомстве осталось незамеченным.

Павел Тырданов утвердил во дворе закон: каждый, кто прочтёт интересную книгу, обязан рассказать о ней друзьям, а если рассказ заинтересует, пустить книгу по кругу.

Сам Павел отличался отменной памятью и был неплохим рассказчиком. Но постепенно его стал оттеснять Тихонов. Отчёты о прочитанном, которые он делал, изобиловали множеством интереснейших подробностей, были насыщены путешествиями, перестрелками, восхождениями на горные пики.

— Коля, мне — первому, — говорил, как приказывал, Павел.

— И мне...

— И мне...

Но нередко происходили конфузы: то, о чём рассказывал Николай, друзья в книгах не находили.

— Как же так, Коля? — недоумевали они.

— Наверное, странички выпали, — пробовал отшутиться Николай.

Но не так просто было провести Пашку.

— Да ты сочинитель! — воскликнул он однажды.

— Сочинитель! Сочинитель! — то ли негодовал, то ли радовался двор. Кличка прилепилась.

Радоваться ли ей? Гордиться ли ею? Николай ещё не знал. Но зато был уверен: ему повезло на товарищеской. С той давней поры он и стал выбирать себе друзей по тому, как они относились к книгам. Он был убеждён: книгочеи — прекрасная порода людей.

Пройдёт много лет, и в одном из номеров «Литературной России» Николай Семёнович опубликует очерк «Бесстрашные книголюбы». Он вспомнит, как во время войны он, будто слепой, на ощупь, передвигался в развалинах бывшего Английского дворца в Петергофе и вдруг забыл о свисте пуль и опасности. Внимание его остановил красноармеец, который тщательно счищал грязь с большой книги в красном переплёте.

«Боец заинтересовал меня. Я подошёл и спросил:

— Откуда книги?

— Это для лейтенанта Богомоллова, — сказал он.

— А кто такой Богомоллов?

— Борис Иванович книги собирает тут, в городке, сам и других просит. Он и зимой, в морозы, лазил тут в домишках, хоть и разрушено сильно, что-то кое-где, смотришь, и уцелело.

— А зачем ему книги?

— Как зачем? Народное добро спасает. Он, знаете, сколько книг спасает от огня, из развалин...

Так лейтенант Богомолов встал в памяти Тихонова рядом с Пашкой Тырдановым.

Да и сам он был из этой компании. Впрочем, ему самому хотелось не только беречь книги, но и писать их. Ничто не могло помешать этой страсти. После империалистической и гражданской войн бывший конник Николай Тихонов привёз в родной город ворох стихов. Из них без труда отобрали первые две книги — «Орда» и «Брага», которые сразу же поставили Тихонова в первый ряд советских поэтов.

Но задержимся на минуту во дворе дома, где некогда жил Герцен. Вернёмся в компанию закадычных друзей, которые, если и расставались с книгами, то только для того, чтобы отдаться игре.

Когда в квартире отсутствовали старшие, часть мебели сдвигалась и ребята играли в морские сражения, в путешествия русских моряков к приполюсному Северу и берегам Антарктиды. Они отлично знали историю Русской Америки, походы наших кораблей в Гренландию и к Ньюфаундленду, знали, что не кто иной, как Беринг, по приказу Петра отправился в дальний путь, чтобы обозначить границы между Азией и Америкой. Они вспоминали времена, когда русский флот господствовал в Средиземном море и когда весной 1797 года лорд Гренвиль упросил нашего посла Воронцова оставить у берегов Англии русскую эскадру Макарова, чтобы спасти владычицу морей от взбунтовавшихся английских моряков. Каждый из друзей Тихонова мог с подробностями рассказать, как в Керченском сражении адмирал Ушаков чуть ли не вдребезги раз-

громил сильный турецкий флот.

Мальчишки приносили с собой свои корабли и армии.

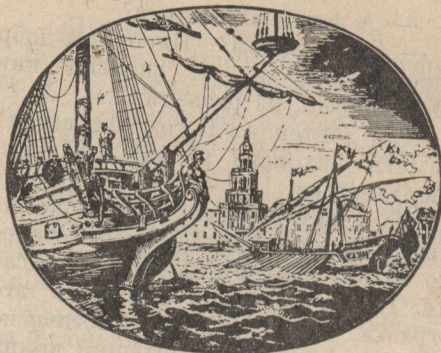
— Тут было полное смещение времён, — рассказывал Николай Семёнович. — И, скажем, Китченер мог сражаться с маршалом Неем, а генерал Кондратенко с адмиралом Сиднеем Смитом. Хаос в ребячьих мозгах был всех цветов радуги. Раз моя бабушка, Татьяна Логиновна, помнившая ещё годы Севастопольской обороны, тогда она была крепостной девочкой, увидев обширное поле сражения, в которое мы превратили одну из комнат нашей маленькой квартиры, всплеснула руками и воскликнула возмущённо: «Что вы делаете, что вы делаете-то! Страху на вас нет! Какую войну, какую беду накликаете! Ведь это что же такое!» Мы смеялись над ней и её негодованием...

Никто из тогдашних друзей Тихонова не мог и предполагать, что почти всем им на долю выпадет испытать и трудности, и беды.

Первый раз его сердце сжалось от боли, когда в ночь после 9 января 1905 года он с дядей-кочегаром шёл по Александровскому проспекту мимо Александровского сада и увидел потемневшие, замёрзшие лужи крови и разные вещи, втопанные в снег — калоши, палки, рукавицы, окровавленные платки, — и костры, у которых грелись солдаты в башлыках.

Где было знать ему, девятилетнему мальчику, что пройдёт всего десять лет и он сам станет солдатом, примет участие в боях, увидит, как падают с коней сражённые вражескими пулями его товарищи по гусарскому полку. А кровь 9 января будет стоять перед его глазами и в 1917 году и поможет сделать верный вывод, как нужно правильно использовать оружие.

Наталья ГЛИНКА

Юность Петербурга

Пётр I мечтал сделать центр города на Васильевском острове, а потому с Городского острова на Васильевский перевели Большой гостиный двор, порт, таможню. Началось строительство специального музейного здания, оно и по сей день сохранило первоначальное название — Кунсткамера. Кунсткамеру рассматривали как часть будущей, при жизни Петра так и не открытой, Академии наук. Помимо музея, предполагали создать здесь и первую общественную библиотеку. А в центральном корпусе были оборудованы астрономическая обсерватория и анатомический театр. Это здание, хоть и сильно пострадало от пожара и неоднократных переделок, — одно из лучших украшений Университетской набережной. В его залах выставлены коллекции Музея этнографии и антропологии Академии наук СССР, а центральную башню занимает музей М. В. Ломоносова.

Здесь же, у Стрелки Васильевского острова, стоит здание Ленинградского государственного университета. Некогда оно называлось Двенадцать коллегий, и располагались в нём главные правительственные учреждения.

Поначалу, при переезде из Москвы, коллегии разместили в длинном мазанковом строении у Троицкой площади. Оно состояло из примыкавших друг к другу отдельных корпусов, вытянутых в единую линию. По этой же схеме заложили в 1722 году каменное здание и на Васильевском острове с таким расчётом, чтобы его главный фасад был повернут к площади на Стрелке. Но, видимо, не всё шло гладко, потому что в 1723—1724 годах были проведены один за другим три тура конкурса. Это был первый в России конкурс на архитектурное сооружение.

Победителем конкурса вышел Трезини.

Требование Петра было выражено чётко: чтобы «снаружи все были равные долготою», ну и высотой, естественно, тоже. А то, что Сенату или Синоду может понадобиться больше помещений, чем иным коллегиям, Петра не смущало: он считал, что нужно помещение одного корпуса присоединять к другому, так как «всегда возможно проломать двери и прибавить». В этом сказалось особое отношение Петра к архитектуре: с одной стороны — всё должно быть рациональным и экономичным, с другой — здание своим внешним видом должно выражать идею. В данном случае — идею равной значительности всех коллегий.

Окончание. Начало в «Искорке» № 10, 11.

При всей нескрываемой ориентации на западноевропейскую архитектуру, здание коллегий имеет связь и с исконно русским зодчеством. Стоит вспомнить, во-первых, что московские «приказы» — предшественники петровских коллегий — стояли в Кремле подобным же образом, бок о бок, вплотную палата к палате, вытянувшись в длину. Во-вторых, окраска фасадов в два колера — белые детали на кирпично-красном фоне — напоминает белокаменную резьбу.

Здание «Двенадцати коллегий» строили почти 20 лет, и Пётр не увидел, как оно росло... В начале января 1725 года он умер в своём Зимнем дворце. Вопрос о престолонаследии так и остался не решённым, к тому времени сыновей Петра уже не было в живых.

Какое отношение имеют вопросы династии к архитектуре?

Самое прямое. Архитектура всегда, а в те времена особенно, зависела от заказчиков, от власти имущих и прежде всего — от царя. Новое искусство родилось в России недавно и не могло ещё существовать без сильного покровительства, без направляющей руки. А какой окажется эта рука после смерти «великого преобразователя», было пока не ясно.

Впрочем, всё в стране оказалось тогда неясным. Люди, стоявшие у кормила, думали, как правило, не о смысле петровских преобразований и судьбах России, а о том, как бы урвать кусок пожирнее. И первое место здесь принадлежало бывшему царскому любимцу, светлейшему князю Меншикову. Он быстро оценил обстановку и стал незаменимым около овдовевшей императрицы Екатерины Алексеевны. Чем-чем, а государственным умом царица не блистала, и советников около неё было не занимать стать. Те, кто надеялся пожить при любой сумятице и неразберихе, теснились поближе к трону; те, кому надеяться было не на что, жались по своим углам.

Но жили в молодой столице и те, кого Пётр своей непререкаемой властью согнал с насиженных мест и приказал им селиться в Петербурге насильно. Многие из этих «новожилов» так и не смогли привыкнуть к неприветливым невским берегам, и как только не стало Петра, толпами ринулись вон из города. Петербург стал быстро пустеть. Летом 1725 года его население сократилось почти вдвое. А повальным бегство стало через два года, когда после смерти Екатерины I на престол вступил малолетний Пётр II. У него появились свои советники, которые сумели «свалить» Меншикова, его имущество конфисковали, а самого с семьёй сослали в далёкую Сибирь.

В 1727 году двор переехал в Москву. Петровскому «парадизу» грозило полное запустение. Новые здания не возводились, старые почти не ремонтировались, большие строительные работы, начатые при Петре I, продолжались медленно и с перерывами. Художественная жизнь в России как бы замерла, притаилась в ожидании. Иностранных художников в те годы не приглашали, а ранее приехавшие один за другим разъезжались. Были нарасхват только мастера устраивать пышные фейерверки и праздничные иллюминации. Всяк старался потакать слабостям императора-мальчика, но он умер от чёрной оспы, не дожив до пятнадцати лет.

В 1730 году на трон была возведена племянница Петра I вдовая курляндская герцогиня Анна Иоанновна. В течение десяти лет сидела на русском престоле царица «престрашного зраку», в течение десяти лет страной фактически управлял её фаворит Эрнст Бирон, приехавший из Курляндии.

Художникам и архитекторам пришлось в ту пору нелегко. Вот что писал академический библиотекарь Шумахер: «Едва ли не все при Академии наук обретавшиеся служители для пропитания по

Кунсткамера.
Гравюра Г. Качалова. 1711 г.

миру ходить должны, вместо исправления своих обязанностей». А Д. Трезини в конце 1728 года сообщал, что жалованье часто задерживают, а потому несколько служителей «стояли на улице против лютерской кирки, прося милостыню».

Однако Анна Иоанновна снова перебралась с двором в Петербург. Она пыталась укрепить свою власть, создав видимость продолжения дел Петра. В конце 20-х — начале 30-х годов в Петербурге работали несколько талантливых зодчих. Как бы в наследство от петровских времён при канцелярии от строений оставались Доменико Трезини и Михаил Земцов. Весной 1724 года вернулись на родину обучавшиеся в Италии Пётр Еропкин и Тимофей Усов. Летом 1727 года из Голландии возвратились Иван Коробов и Иван Мордвинов.

Центр города вновь стал не на Васильевском острове, как мечталось Петру, а на левом берегу Невы, в той части города, которая условно была названа Адмиралтейским островом. Между тем центральное его сооружение — Адмиралтейство — пришло в неприличную ветхость. Его перестройку поручили архитектору Адмиралтейств-коллегии И. К. Коробову, под «смотрением» которого были местами достроены, местами возведены заново каменные корпуса гигантского «П»-образного сооружения. Никаких украшений этому производственному зданию не полагалось, но чтобы придать ему значительность и к тому же подчеркнуть любимую мысль Петра о владычестве России над морем, Коробов спроектировал великолепную башню, завершённую высоким золочёным шпилем с ажурным корабликом, вечно плывущим над городом. Этот шпиль отлично найденных пропорций достойно перекликался со шпилем собора Петропавловской крепости; и через много-много лет, уже в начале XIX века, когда вкусы в архитектуре станут совсем иными, при следующей полной перестройке Адмиралтейства архитектор А. Д. Захаров бережно сохранит «иглу», которую прославит в стихах Пушкин и которая станет одним из символов Петербурга — Ленинграда.

Как говорят, «не бывать бы счастью, да несчастье помогло». Летом 1736 и 1737 годов пожар полностью уничтожил слободы Адмиралтейского острова. От Зимнего дворца до Крюкова канала (за исключением лишь самого Адмиралтейства) протянулось громадное пепелище. Это стихийное бедствие позволило поставить вопрос о коренном преобразовании планировки и застройки города.

10 июля 1737 года появилась специальная «Комиссия о Санкт-петербургском строении». Фактическим руководителем её был Пётр Михайлович Еропкин, а деятельными участниками — Михаил Земцов и Иван Коробов. Комиссии надлежало решить наболевший вопрос о планировке столицы: «Исправить непорядки в строениях и каким образом улицы регулировать, и где публичным площадям быть, и как оные построить надлежит изобразить».

У комиссии, как мы помним, существовали предшественники: интересный, хотя абсолютно утопический план талантливого Леблана, относящийся к 1717 году, и почти одновременный с ним несколько схематичный план Трезини, по которому и вели застройку. Теперь эти планы не годились. Выросший город сам диктовал определённые условия, его территория расширялась в основном на юг и юго-запад, а центр окончательно укрепился близ Адмиралтейства.

Благоустраивался Невский проспект, ставший главной магистралью Петербурга; на нём появилась большая нарядная церковь Рождества Богородицы (на месте нынешнего Казанского собора). По сторонам и напротив в линию стояли полутора- и двухэтажные каменные жилые дома, крытые черепицей. Перед ними по обе стороны «перспективы» росли регулярно высаженные деревья. Напротив Гостиного двора, недалеко от Садовой улицы, начал строить дом для своей семьи Земцов.

В тридцатых годах была полностью разработана намеченная в начале века радиально-кольцевая система планировки центрального района. Три луча: Невский проспект, Вознесенский (ныне — проспект Майорова) и Средняя «перспектива» (ныне — улица Дзержинского) расходились от адмиралтейской башни. Каналы, протоки и улицы пересекали их, образуя удобную систему сообщения.

Аналогичные принципы трёхлучевой системы планировки были применены Еропкиным при проектировании застройки Выборгской стороны, тогда ещё малозаселённой. Он же определил характер пла-

Проспект Государственных Коллегий.
Яким Внуков. С гравюры Михаила Махаева. 1783 г.

Адмиралтейство.
Гравюра Г. Качалова. 1753 г.

нировки большого городского района — Коломны, протянувшейся на запад от Вознесенского проспекта до впадения речки Кривуши (ныне — канал Грибоедова) в Фонтанку, наметил места площадей и направление улиц, включая Садовую, которая оправдывала тогда своё название.

Глубоко трагична судьба необыкновенно талантливого архитектора П. М. Еропкина. Он был близким другом и советником кабинет-министра А. П. Волынского, переводил для него философские труды утопистов XVII века, принимал деятельное участие в борьбе с Бироном и его приспешниками. Порой Волынский, чтобы противостоять интригам Бирона, вынужден был потворствовать прихотям Анны Иоанновны, устраивать для неё развлечения. Так в январскую стужу 1740 года была сыграна «курьёзная свадьба» придворного шута Голицына. Именно Еропкин, крупнейший архитектор своего времени, был автором шутейного «ледяного дома».

Однако успех «свадьбы» только ненадолго отсрочил страшную развязку. Над кабинет-министром и его единомышленниками уже нависла беда, его противники создали пресловутое «дело Волынского», и 15 апреля 1740 года начался один из крупнейших в XVIII веке политических процессов. Бывшему кабинет-министру были предъявлены не слишком оригинальные, но от этого не менее тяжкие обвинения: государственная измена, попытка ослабить военную мощь России и, наконец, стремление низвергнуть с престола Анну Иоанновну. Этого было более чем достаточно. На рассвете 27 июня 1740 года, в годовщину Полтавской битвы, были казнены А. П. Волынский и его ближайшие соратники А. Ф. Хрущёв и П. М. Еропкин. Их могила сохранилась до наших дней в ограде Сампсониевского собора, построенного в память Полтавской победы. По странной иронии судьбы, памятники великого триумфа и позорной трагедии оказались в непосредственном соседстве.

После гибели на плахе Еропкина и отъезда в 1741 году в Москву больного и потрясённого всем происходящим Коробова деятельность «Комиссии о Петербургском строении» постепенно сошла на нет.

Только стареющий Земцов добросовестно, но уже с трудом продолжал работать на затаившихся с петровских времён постройках: Кунсткамера, «Двенадцать коллегий», госпиталь на Выборгской стороне. Он даже сочинял новые проекты, осуществления которых не увидел. Так было с проектом Аничковского дворца на углу Невского проспекта и Фонтанки, вычерченным в 1741 году. В 1743 году Земцова не стало.

Так почти одновременно прервалась деятельность трёх талантливых русских мастеров — достойных наследников зодчих начала века. Казалось бы, это должно было нарушить поступательный ход новой русской архитектуры. Но нет, не напрасно работали они в Комиссии. Петербург продолжал расти по их планам, их труды оказали несомненное влияние на блестящий расцвет строительного искусства в середине XVIII века.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ
КАМЕНОТЁСЫ

РИС. Ю. ШАБАНОВА

— Тюрю делают так. Налют в миску воды холодной, подсолят по вкусу, накрошат корок хлеба, лучше который зачерствевший, подольют постного масла и — господи, благослови!

А масла надо лить поменьше — чтоб на воде побольше кружков от него было.

Вот как один раз было. Надумал Балда похлевать тюри, а масла нет. Пошёл по базару. Глядь, богатый мужик масло продаёт. «Продай, — просит Балда, — мне на тюрю». — «А сколько за него дашь?» — «А сколько на тюре

кружков будет, столько я тебе копеек и заплачу». Обрадовался богач, жадный был — страсть! «Я тебя сейчас проведу!» — думает, налил ковш масла, да в тюрю — бах! Масло всю воду залило, один всего кружок получился. «Вот тебе копейка, — говорит Балда, — потому что такой уговор был: сколько кружков, столько копеек».

Ешь, Ваня, ешь. Много-то масла лить нельзя...

Хлебают артельщики тюрю все из одной миски. Первым — самый старший в артели, Прокл. За ним тот, который помоложе. Потом ещё

помоложе. Так все по очереди. А самым последним — Ваня. И надо ждать, пока который хлебает перед тобой, ложку оближет, положит на стол, вот тогда и твой черёд. А если нарушил порядок, старшой — ложкой в лоб: не лезь вперёд другого. Так исстари заведено не только в их сударе Пскове, а по всей Руси.

— А вон кто там бежит, руками машет? Погляди-ко, Ваня!

Ваня взгляделся.

От Невы, по узкой тропке в снегах, бежал Прошка. Тоже псковской, земляк. Мальчонкой ещё в крепость большому барину проданный, царскому вельможе Артемию Петровичу Волинскому. Артемий Петрович таким был человеком, что с ним сама матушка царица, Анна Иоанновна, советовалась.

— Хлеб да соль! — подбежав, приветствовал всех Прошка.

— Просим милости с нами отобедать! — по заведённому обычаю ответил Прокл. — Почто ты такой исполошённый?

— Да к вам торопился, дядюшка Прокл. Барин-то наш, Артемий Петрович, до всяких затей мастер, что задумал: на Неве, насупротив царских палат, большой ледяной дом построить, потешить царицу. А то её последнее время хвори одолели, дурные сны снятся, мясо видит. Потом весь день ходит смурная, ни с кем не разговаривает. Лица со сну не моет, не причешется и всех своих сенных девок по щекам лупит. А рука у неё тяжёлая, державная, как даст которой, так та и с ног долой, и кровь из носа хлещет. Да и вельмож поколачивает. И решил Артемий Петрович развеселить её маленько, ледяной дом построить. Сделать, чтоб всё, как в настоящем доме, было, и посуда, и столы, и скамейки, и всякая утварь, только всё ледяное. И для этого всех мастеровых людей со всего города скликает. И умельцев хорошо жалует. Может, и вы пошли бы, попробовали. Хорошо заработать можно.

Артельщики задумались.

За всех ответил Прокл:

— Нет. Некогда нам. Мы храм строим.

— Так и будете всю жизнь тюрю хлебать? А там Артемий Петрович и блюдо со своего стола достать разрешит, а если отличитесь, так может и шубу со своего плеча пожаловать.

— Блюдо, знамо дело, хорошо, — Прокл поскрёб смёрзшуюся в ледяной веник-голик бороду, — да некогда нам. А шуба нам зачем? Тяжесть одна.

Каменотёсы поднялись, перекрестились, надели шапки, без которых сидели, пока обедали, и принялись за работу.

А морозец стоял славный. Птица летит — к земле жмётся. Если голой рукой за железо схватиться, кожу на нём оставишь. Но в работе ничего, не холодно.

И как-то там сейчас дома, в сударе Великом Пскове?.. Во многих местах побывали они — и в Белокаменной, и в Ново-Городе, в Суздале, но вот такого мороза, как на этой чухонской болотине, сырого, промозглого, нигде не видывали. Лес за рекой из тёмного белым сделался, а дым над крышами затонувших в сумерках изб тянется к небу. Стало быть, ещё холоднее будет.

Покончили работать, когда совсем смерклось. Пошли в избёнку к чухонцу, у которого были на постое. Сняли лапти, смотали промёрзшие онучи. Присели в угол на пол, все спинами к стене. Чухонец скотину в избе держал, чтоб не помёрзла. Телёнок возле печи ходил и куры, все с тёмными, свалившимися на сторону, помёрзшими гребешками.

После ужина убежал молодой Никитка — он только на год был старше Ванюшки — навестить Прошку. Уж больно чудно Прошка про ледяной дом говорил. А утром пришёл Никитка и сообщил, что берёт его большой барин Артемий Петрович ледяной дом строить. Больно понравились барину свистульки да всякие зверята, ещё ле-

том ради забавы Никиткой из глины слепленные.

— Изю льда можешь сделать такие же? — спросил Никитку грозный барин. — А кобеля большого? А кошку, чтоб хвост трубой?

— Смогу. Ещё лучше смогу, — сказал Никитка, хотя изю льда ему ещё ничего не приходилось делать. Но уж очень хотелось перед баринот отличиться. Чтоб тот похвалил.

Ну что ж, если барин взял, стало быть — взял. С барином спорить не будешь. А камень рубить на таком морозе — работа тяжёлая, пока обтешешь его со всех сторон, сто потов сойдёт. Свистульки-то делать полегче, наверное. Но ничего, держись, Ваня! Деда наши так работали и нам завещали.

В воскресенье пошли на Неву поглядеть, как ледяной дом строится. И подивились диву дивному. Стоит он, как настоящий. Да чего там — много лучше настоящего! Весь на солнце светится. И стены

ледяные, и крыша. Ледяные блясины на ледяном крыльце.

Подивились артельщики.

А кругом дома народу — видимо-невидимо. Все что-то делают. Зачерпывают из проруби воду, заливают сколоченные из досок рамы. Осторожно остругивают готовые ледяные плиты, проворачивают буравом дыры. Между всех работающих сам Артемий Петрович прогуливается, всё на берег, на окна царских покоев поглядывает. На берегу, на дороге, стоят сани, шестёрка пугот запряжена. На сани медвежья полсть брошена. В передке кучер в камзоле сидит, красным кушаком перепоясан.

Вдруг на льду все работающие сдёрнули с голов шапки и повалились на колени, кладя в сторону царских покоев земной поклон. Ванька оглянулся на покои и в одном из окон на втором этаже увидел широколицую рябую бабу, которая заглядывала в оттаявшее звёнышко.

Растерявшийся Ванька и его товарищи-артельщики не сразу поняли, что произошло, да так и остались стоять, не сдёрнув шапки, не догадавшись, что это и есть сама царица-матушка. Хорошо, что никто не заметил, как они стояли: все кланялись.

Неделю не ходили артельщики на Неву, работали, некогда было. А в воскресенье пошли опять.

Дом был уже совсем готов. Артельщики стояли, от удивления оцепенев. Вот тут-то их и заметил Прошка. И пригласил, пока бар никого нет, посмотреть, что там в доме внутри.

Артельщики вошли, ещё больше дивясь всему. И двери всюду были ледяные, и ручки в дверях ледяные, фигурные. Ледяная кровать. На ледяном столе ледяная посуда. А в углу — ледяная собака. Рядом ледяная кошка высоко хвост подняла. Ванька только наклонился к ней, хотел получше разглядеть, а кошка из ноздрей как дымом фукнет! Ледяная собака — гав! Ванька чуть не сомлел от страха. Вслед за своими товарищами побежал скорее из странных хором, чтоб не зацепить чего ненароком, не сломать.

Потом наехало в город гостей со всей России. Говорили, что каждый одет по-своему. По Невской перспективе ходят, народ тешат. Позже многие рассказывали, что в том ледяном доме чудная свадьба была — женили царского шута Голицына на калмычке Бужениновой. Гости кто на чём ехали: кто на бабране, а у кого свинья была в санки запряжена. Не видывал ещё такого мир. Что бы всё это означало? Не наступил ли уж конец света? Только артельщикам не до разговоров было, не до пересудов всяких. Работали они. Камни тесали.

Однажды как-то работают артельщики, глядь — а к ним кто-то на тройке едет. Кони гнедые, откормленные. Кто б это мог быть? Не иначе, как немчина, который проверял, как у них дела идут. Вгляделись лучше.

— Ба! Да никак это Прошка?

— Не Прошка, а Прокопий Ляк-сеич. — Прошка из саней вылез. Ногю выставил. А артельщики стоят как вкопанные. Рты пооткрывали. — Дураки, руку целовать надо.

— Откуда всё это у тебя? — спрашивает Прокл, на коней показывает.

— Матушка-императрица пожаловала.

Оказывается, осматривала Анна Иоанновна ледяной дом, и особенно понравилась ей кошка с задран-ным хвостом, которая из ноздрей дымом фукала. А собака гавкнула, и от испугу матушка вздрогнула. А кошка подняла хвост и на эту подлую собаку кое-что сделала. Матушке это очень понравилось, она до слёз хохотала, а вместе с ней и все вельможи. Некоторые от смеха даже на пол падали.

— Кто это делал? — спросила императрица у Артемия Петровича и приказала из своей казны умелца как следует одарить. К ручке милостиво допустила.

Артельщики от удивления только затылки почёсывали.

А после масленой недели наступила оттепель. Как бывает в этих чухонских местах, снег стоял в од-нодневье. Дождь пошёл. На Неве лёд вскрылся. Когда через неделю Ванька пришёл на берег, на том месте, где ещё совсем недавно стоял потешный ледяной дом, синела вода.

С наступлением весны, когда за-зеленело, зацвело всё кругом, ар-тельщикам прибавилось работы. Дни стали большими, от зари до зари светло, знай работай. Они и работали, отрываясь лишь ненадол-го, чтобы перекусить.

Вот и на этот раз, сев в кружок, хлебали они тюрю, когда к ним подкатила коляска, и в приезде узнали они Прошку. Поздоровались, поклонившись ему, пригласили на хлеб-соль. Чем богаты, тем и рады. Но Прошка отказался, даже не взглянул на разостланную на досках скатёрку и на разложен-ные на ней хлеб и ложки возле ми-ски.

— Ей, мастера!.. Работа такая есть. Надо потешный дом из цветов построить, как поизмышлённое да почуднее. Я руководить назначен. Хорошо заплачу! Да и харч с дворового стола. Будете доедать жареного лебедя и пупки куриные. Вы этого, сиворылые, и не видавали. Только редькой да свёклой брюхо набиваете.

— Н-да, — почесал бороду старший из артельщиков, Прокл. —

Пупки, оно знамо хорошо. Только нам некогда. Не сердчай, Прокопий Ляксеич, храм строим.

Прокопий Ляксеич развернул коней и уехал. Ну и скатертью ему дорога!

— Ты, Ваня, не гляди, куда Прокопий поехал. Работай. Бери-ка молоток да надень рукавицы, чтоб мозоли не так дюже болели. Господи, благослови!

Николай ГОЛЬ

СЧАСТЛИВОЕ ЧИСЛО

Почему числу тринадцать
на земле печально жить?
Не хотят с ним люди знаться,
не желают с ним дружить!
Говорю я вам серьёзно,
и любой вам подтвердит:
на Тринадцатой Колхозной
дом тринадцатый стоит.
Мы тринадцатым трамваем
прямо к дому подъезжаем
из любых далёких мест,
и — в тринадцатый подъезд!

А тринадцатый этаж —
это наш!

Мы к тринадцатой квартире
всей компанией идём;
в дружбе здесь живём и в мире
все мы — втринадцатером:
дедушка, бабушка, папа и мама,
тётя Алёна, дядя Сергей,
кот Император, кошка Панама,
Оля и Юля, Антон и Андрей!
И я!

И в свои тринадцать лет
я могу признаться,
что совсем не вижу бед
от числа тринадцать!

Рис. Л. Коломейцевой

Когда родилась принцесса, королева, хорошо зная, что полагается делать в таких случаях, пригласила двух фей.

Фей прибыли на праздник в чисто деловом настроении. Поэтому одна из фей принесла принцессе в дар Здравый Смысл, а вторая — Пунктуальность.

Королева была крайне разочаро-

равно будешь красивой всех на свете, — прошептала она, склонившись над колыбелькой.

Принцесса в ответ закукала и заморгала глазками, но при этом вид у неё был не очень довольный.

Принцессу нарекли Анжеликой. Королева считала, что это имя годится на все случаи жизни. «Если принцесса будет ангельски красива, — рассуждала королева, — имя будет ей в самый раз, а если она будет только ангельски добра, это имя ей тоже подойдёт».

И королева стала внимательно наблюдать за дочкой.

вана. Проявив столь прискорбное отсутствие фантазии, феи вдобавок умудрились испортить всем настроение. Они отказались принять участие в трапезе и, пока все сидели за столом, сновали по залу, жуя на ходу бутерброды с паштетом из крылышек моли, которые принесли с собой в ридикюлях. К тому же они наговорили гостям кучу прописных истин, хотя их никто ни о чём не спрашивал.

Гости дружно решили, что феи — невыносимые старые зануды. Все осуждали королеву за то, что она приглашает во дворец кого попало, и, вконец расстроенная, она незаметно выскользнула в детскую.

— Бедная моя крошка, ты всё

Анжелика ещё не научилась ходить, а её чудовищная Пунктуальность держала в страхе весь дворец. Стоило кому-либо опоздать, как принцесса поднимала истошный рёв. Здравый Смысл тоже давал себя знать: малютку невозможно было унять ни игрушками, ни погремушками.

К несчастью для принцессы, её характер не исчерпывался двумя полезными качествами, полученными в дар от фей. У неё было доброе сердце, она любила мечтать, и ей нравилось всё красивое.

Едва научившись ходить, она добралась до большого зеркала и, по свидетельству королевской кормилицы, долго себя разглядывала в нём,

а потом вдруг личико её горестно скривилось. Из зеркала смотрела на неё здоровенькая, пухленькая, розовощёкая девочка, образцовый ребёнок, но для полного счастья ей не доставало кудряшек: их-то она и искала в зеркале. Волосы у принцессы были шелковистые и мягкие, но совершенно прямые, и никакими силами нельзя было заставить их виться. А когда она впервые выехала с королевой на прогулку, все мамыши в толпе принялись подталкивать локтями своих кудрявых детишек: «Смотри, какая умница принцесса Анжелика. Бери с неё пример». Принцесса смотрела на кудрявых малышей, и слёзы обиды катились у неё по щекам.

Когда принцессе исполнилось семь лет, королева скончалась от лихорадки, а король, убитый горем, постарел на много лет. Он всё чаще полагался теперь на советы принцессы Анжелики и обсуждал с ней государственные дела. Он посылал за ней и просил её скоротать с ним вечерок, и очень часто принцесса засиживалась допоздна.

В угоду Здравому Смыслу принцесса читала книги по географии, истории и естествознанию. Но для себя — ведь у неё была мечтательная натура! — волшебные сказки. И эти сказки очень её огорчали. Почти во всех принцессы были ослепительные красавицы, и хотя их то и дело заточали в башни, превращали в кошек или отдавали на съедение драконам, на помощь им всегда приходил юный храбрец, третий сын какого-нибудь короля или знатного человека. Чей он сын, выяснялось потом, но до этого они с принцессой мгновенно влюблялись друг в друга. Обычно он влюблялся первым, прослышав об её ослепительной красоте, а знакомились они только в конце, потому что он обычно бывал переодет мелником, медведем или трубадуром и не мог ей открыться сразу.

— А вдруг никто не захочет взять меня замуж? — всякий раз спрашивала Анжелика у кормилицы.

— Пусть попробует не захо-

теть, — отвечала кормилица. — Всякий почтёт за великую честь.

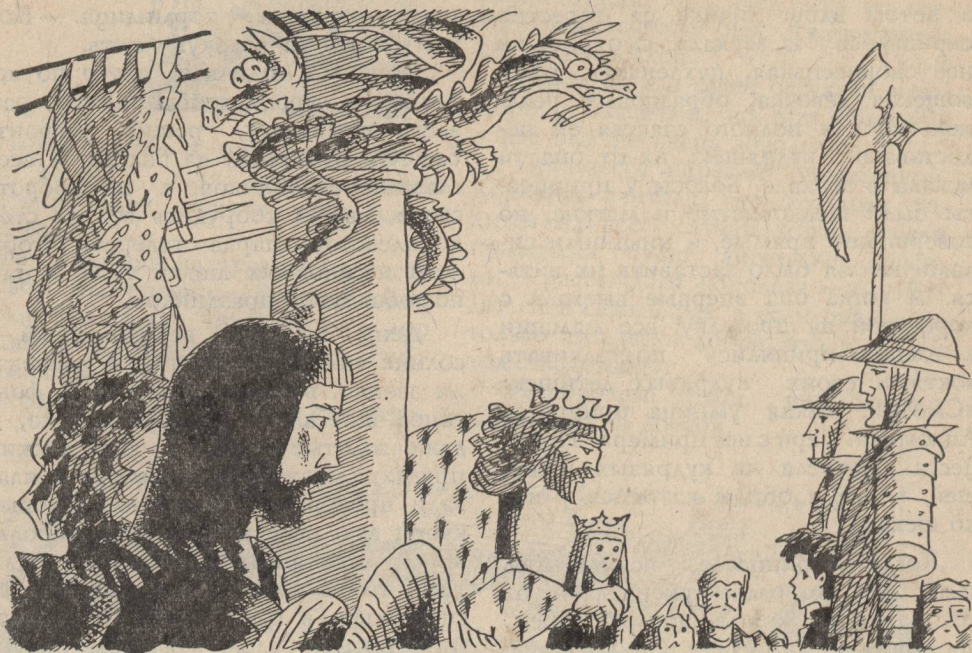
Кончился годичный траур по королеве, и король, чтобы немного развлечь принцессу, решил устроить бал. Он пригласил на бал детей всех главных сановников, а по доброте своей, велел соорудить вокруг стен королевского парка галерею, чтобы дети несановных людей тоже могли полюбоваться праздником.

День выдался великолепный — солнце сияло вовсю, птицы распевали звонко, разноцветные струи фонтанов взлетали в воздух высоко, и даже золотые рыбки в королевских прудах, выложенных мрамором, плавали проворнее обычного. Розовые кусты всю неделю прикрывали большими стеклянными колпаками для того, чтобы розы на них дружно распустились в один день. Принцесса Анжелика в белом атласном платье стояла посреди сада у фонтана и по очереди приветствовала каждого гостя. На голове у неё была маленькая жемчужная корона, которую пришлось укрепить с помощью резинки, чтобы она не скользила по её гладким прямым волосам.

Дети сановных родителей вели себя как и подобало: чинно здоровались за руку, приседали и, не своя глаз с принцессы, становились в круг.

Это был первый бал в жизни принцессы, и ей не приходило в голову, что он скучный, пока она не увидела оживлённые рожицы несановных детей, которые вовсю веселились у себя на галерее, лизали мороженое в вафельных трубочках и не заботились о хороших манерах. Особенно приглянулся принцессе кудрявый рыжий мальчик лет двенадцати в жёлтой рубашке. Покончив со своим мороженым, он съел ещё одну порцию, стащив её у соседа справа, и теперь стоял, облокотившись на перила, и глядел вниз с серьёзным и задумчивым видом. «Наверно, чей-нибудь третий сын», — сразу же подумала принцесса.

Между тем на лужайке началась кадрили. Сановные дети танцевали довольно вяло. Танцы сменились игрой в мяч: дети бросали друг другу

и ловили лёгкие золотые мячики. Зная принцессину Пунктуальность, дети ужасно боялись сделать что-то не вовремя и без конца глядели на часы, которые родители дали им специально на этот случай. И все они так опасались сказать что-нибудь не соответствующее Здравому Смыслу, что почти всё время молчали.

И вдруг сановные дети разинули рты: принцесса, у которой в руках был золотой мяч, улыбнулась и неожиданно бросила его на галерею. Рыжий мальчик, подавшись вперёд, ловко поймал мяч одной рукой. Дети на галерее запрыгали от волнения. С мячом в руке мальчик смотрел вниз, в сад, затем бросил мяч, но увы — не принцессе. Он бросил его девочке с белокурыми локонами, одетой в изумрудно-зелёное бархатное платье.

У принцессы защемило сердце. Она поправила корону и сделала вид, что ничего не заметила. «С точки зрения Здравого Смысла, я поступила совершенно правильно, — рассудила принцесса. — Если понимаешь, что перед тобой переодетый третий сын, надо же подать ему какой-то знак. Так что я сделала всё как полагается». Между тем девочка с бе-

локурыми локонами нарочно не стала ловить мяч. С презрительной гримасой она смотрела, как он покатился под ноги одному из сановных мальчиков. Поступок рыжего мальчика был вопиющим нарушением приличий. Он должен был вернуть мяч принцессе и при этом трижды поклониться. Бросить мяч какому-либо постороннему лицу было равносильно государственной измене.

— Он оскорбил принцессу, — заявил начальник стражи.

Стражники тотчас проникли на галерею и схватили рыжего мальчика. Принцесса видела, как его уводили, но тут зазвучали фанфары: они возвестили, что подан чай.

На другой день рыжего мальчика привели на королевский суд.

Король сказал принцессе, что, как это ни прискорбно, ей придётся присутствовать при разбирательстве. Он был бы рад не давать делу хода, но придворные заартачились, и он вынужден был сдаться. Бедняжка принцесса и тут явилась минута в минуту, а король со своей свитой как раз опоздал, и принцесса грустно сидела на своём маленьком троне, оглядывая пустой зал.

Наконец глашатаи возвестили приближение королевской процессии, и тут же через боковую дверь ввели преступника. Девочка с белокурыми локонами глядела на него с нескрываемым пренебрежением, и сам он тоже принял безразличный вид. Он стоял меж двух стражников, разглядывая зал, заполненный людьми, и ни один мускул не дрогнул на его лице, когда он на миг встретился глазами с принцессой.

Герольды протрубили ещё раз, и суд начался.

Принцесса очень волновалась и потому почти не слушала долгие речи двух джентльменов в париках. Мальчик обвинялся в государственной измене, но он тоже слушал не очень внимательно. Слушал один король. Внезапно он поднял руку, чтобы прервать длинную обвинительную речь, и ласково обратился к мальчику:

— Понимал ли ты, что твой поступок был оскорбителен для принцессы?

— Нет, ваше величество, — ответил мальчик, взглянув на короля. — Просто бросил мяч и всё.

Король откашлялся и задал новый вопрос:

— А как тебе кажется, почему принцесса бросила мяч именно тебе?

— Не знаю. Наверно, ей так захотелось.

— Тебе не приходило в голову, что это большая честь?

— По правде говоря, нет. Я думал, это просто так, в шутку.

— Не важно, в шутку или серьёз, но почему ты не кинул мяч ей обратно?

Вид у мальчика был озадаченный.

— Сам не знаю, — сказал он. — Я бросил его вон ей. — И он указал на белокурую девочку, которая сегодня была одета в скромное серое платье и уже не казалась такой хорошенькой.

— А теперь слушай, — сказал король. — По законам нашего государства тебе грозит суровое наказание. Людям, обвиняющимся в государственной измене, отрубают голову. Спасти тебя может только чистосер-

дечное признание. Скажи честно, почему ты бросил мяч этой молодой особе, а не принцессе?

Мальчик смутился.

— Потому что уж очень красивое на ней было платье, — сказал он.

По залу прошло оживление. Дамам такой ответ пришёлся по вкусу: они принялись перешёптываться и единодушно решили, что у мальчика поэтическая натура.

Джентльмен в парике встал и, подняв указательный палец, спросил:

— Но разве на принцессе не было платье исключительной красоты?

— А я люблю зелёный цвет.

Зал загудел снова.

Король, когда восстановилась тишина, сказал:

— Судя по всему, ты говоришь правду: такое не придумаешь. Но у меня к тебе ещё один вопрос: ты сожалеешь о своём поступке?

— Да. Я сразу пожалел. У принцессы был такой расстроенный вид. И если бы я мог бросить мяч снова, я бы обязательно бросил ей. Да и лицо у неё славное. А у барышни в зелёном такая постная физиономия, и руки у неё дырявые, и ещё — она, когда ловит мяч, рот разевает. Когда я всё это увидел, сразу пожалел, что кинул ей мяч.

Король спросил:

— А не хочешь ли ты извиниться перед принцессой?

Мальчик повернулся лицом к трону, где сидела принцесса, и, поклонившись, холодно произнёс:

— Простите, ваше высочество.

Все разом посмотрели на принцессу, и она ответила еле слышно:

— Ничего, ничего, я не сержусь.

Затем король громогласно объявил:

— Повелеваю снять обвинение в государственной измене.

Стражники тут же убрали руки с плеч мальчика. Он по очереди поклонился королю и принцессе и покинул зал.

Следующее платье, которое сшили принцессе, было изумрудно-зелёное, и все усердно делали вид, будто не

знают, почему она выбрала этот цвет.

Каждый день принцессе подавали белого пони, и она отправлялась в город в сопровождении гувернантки на вороной лошади и четырёх дворцовых стражников на боевых скакунах. По ней проверяли часы, потому что принцесса проезжала по улицам, где жили бедняки и где, как ей казалось, она скорее может встретить рыжего мальчика, в одно и то же время. Она отвечала на приветствия, раскланиваясь направо и налево и стараясь не выдать своего беспокойства.

Но проходила неделя за неделей, а ей всё не везло. Она было решила, что рыжий мальчик куда-нибудь переехал, но однажды она вдруг увидела его — он лежал на ступеньках фонтана и, словно пёс, грелся на солнце. Она остановила своего пони, гувернантка тут же придержала лошадь, а четыре стражника так резко натянули поводья своих скакунов, что те поднялись на дыбы.

Мальчик встал и поклонился принцессе.

— Я хочу поблагодарить тебя за то, что ты тогда сказал про моё лицо, — обратилась она к нему. — Это были добрые слова.

— Я сказал только то, что есть, — возразил мальчик. — Я теперь о тебе часто думаю.

— Неужели? — спросила польщённая принцесса.

— Честное слово. У большинства девочек сплошная дурь в голове, а у тебя, по-моему, этого нет.

— Вот как?

— Да, — подтвердил мальчик. — Я даже стихи про это написал. Только тут я с тобой ещё на «вы».

Он порылся в кармане, извлёк оттуда мятый и грязный листок, и принцесса прочла:

*Принцесса в белом! Слово дам —
Я вовсе не хотел испортить
праздник вам.*

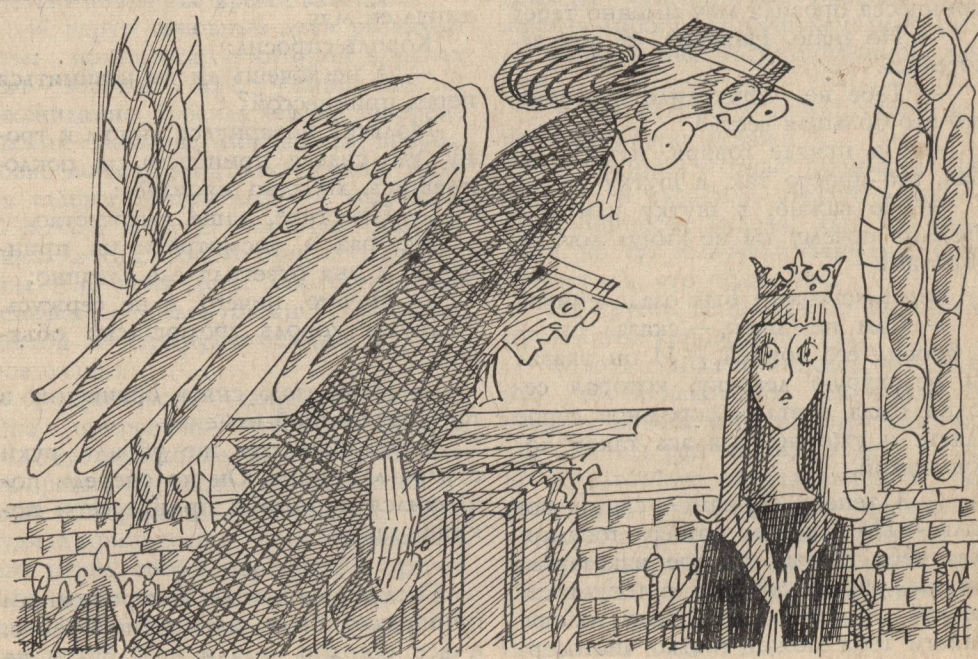
*Там был такой трезвон, и шум и
тарарам —*

*Вы кинули мне мяч,
А кончилось так глупо, что
хоть плачь.*

*Поймите — я был сам не свой:
Мелькало столько лиц, все
сгрудились толпой, —*

*И плеск, и блеск, и гул, и толчея,
и зной...*

*Так вышло — я в тот раз,
Сказать по правде, не заметил вас.
Вы были в белом, а она —
В зелёном, ярком — мне была*

ясней видна;
Не понял я тогда — и в том
моя вина, —
Что вы в сравнение с ней
В сто раз милей и в тысячу раз
добрей.
У вас такой был грустный вид,
Что и меня с тех пор ничто не
веселит;
Завяли все цветы, и музыка молчит,
И мне весь свет не мил
Из-за того, что я вас огорчил.¹

— А можно мне взять эти стихи
на память? — спросила принцесса.

Мальчик задумался.

— Ну хорошо, бери, — сказал он
наконец. — Мне кажется, я помню их
наизусть.

— Ты заметил? На мне сегодня
зелёное платье, — робко сказала прин-
цесса.

— Я вижу, — ответил мальчик. —
Но, по-моему, белое тебе больше
шло.

Он снова поклонился, и принцес-
са поехала дальше. Листок она сло-
жила и бережно спрятала в карман.

Когда принцесса вернулась во дво-
рец, там уже царил переполох: ведь
она опоздала к завтраку на целых де-
сять минут. И как на грех именно в
этот день во дворец явились две уже
знакомые нам феи. Они не видели
принцессу с самого дня её рождения
и сейчас, возвращаясь с какого-то со-
вета и пролетая мимо, решили,
поскольку они забыли бутерброды,
завернуть во дворец — перекусить, а
заодно проведать принцессу. И вот
теперь они сидели в вестибюле с ри-
дикюлями на коленях.

— Простите, я, кажется, опозда-
ла, — сказала принцесса, входя.

— То есть как?!! — изумлённо
воскликнула фея, наделившая прин-
цессу Пунктуальностью.

— Я опоздала, — повторила прин-
цесса.

— Это невероятно! Не было слу-
чая, чтобы дар, сотворённый мною,
кого-нибудь подвёл.

— А вот сегодня подвёл, — заяви-
ла принцесса.

— По какой причине? — осведо-

милась фея, подарившая принцессе
Здравый Смысл.

— Я остановилась поговорить с
одним мальчиком.

— Он что, член лиги «Знай и
умей» твоего имени?

— Нет. Он пишет стихи.

— И ты остановилась только для
того, чтобы поговорить с каким-то
мальчишкой? Где же твой Здравый
Смысл?

— Не знаю, — сказала принцесса,
глупо улыбаясь.

— Несчастное дитя! — в один го-
лос воскликнули обе феи. — Ты ока-
залась недостойной наших замеча-
тельных подарков.

— Я ведь не просила мне их да-
рить, — сказала принцесса вежливо,
но твёрдо. — Вот они и перестали
действовать с сегодняшнего дня.

Феи поглядели друг на друга.

— Мы отберём у тебя наши да-
ры, — прокаркали они в унисон. — А
взамен ты получишь то, что сгубило
не одну принцессу, — Красоту и Чув-
ство Юмора. Ты ещё пожалеешь об
этом.

У принцессы дрогнуло сердце. Но
не успели феи договорить, как она
почувствовала, что у неё что-то стран-
ное творится с волосами: они вдруг
стали завиваться! Через две минуты
голова её покрылась каштановыми
локонами, шелковистыми и тугими,
как бутоны. Глаза принцессы широко
раскрылись от удивления и из серых
стали ярко-синими, а на щеках по-
явились две прелестные ямочки.

Обе феи, сидя рядом на стульях,
смотрели на неё с нескрываемым
злым торжеством, и их нелепый
вид вызвал у неё неожиданный при-
ступ смеха.

— Ну вот. Начинается, — сказа-
ли феи злобно. — Теперь ясно, ты
плохо кончишь.

Они разом поднялись, расправили
свои замшелые серо-бурые крылья и
через дворцовую арку вылетели на-
ружу — в надежде перекусить где-ни-
будь по дороге.

Предсказание фей не сбылось:
принцесса Анжелика не кончила дур-
но. Феи способны многое испортить,
но если вы унаследовали от родите-

¹ Перевод И. Комаровой.

лей хороший характер и вас правильно воспитывали в детстве, тут даже феи мало что в силах изменить. И хотя у принцессы появились кудряшки, ярко-синие глаза и ямочки на щеках, личико её осталось таким же добрым и милым, а Чувство Юмора пригодились принцессе, когда отец по её просьбе разогнал придворных, которые всем докучали своими дразгмами, спесью и занудством, и начал заменять их новыми. Принцесса старалась подбирать на их место людей интересных и занимательных. Ведь если вдуматься, станет ясно, что только хорошие люди с годами не теряют занимательности, поэтому назначения, состоявшиеся при содействии принцессы, почти всегда оказывались удачными. Король, её отец, стал ещё больше ценить её советы и в итоге правил безо всяких хлопот, в то время как его соседи страдали от бесконечных дворцовых переворотов.

Чем дальше, тем красивее становилась принцесса, и все влюблялись в неё с первого взгляда. Это ей льстило и нравилось — не удивительно, что она на несколько лет позабыла рыжего мальчика. Но однажды в кармане старой изумрудно-зелёной амазонки она нашла листок с его стихами и показала их королю.

Прочтя стихи, король сказал:

— Очень кстати. У нас ведь нет придворного поэта, и неплохо бы нам...

Во дворце тут же было устроено поэтическое состязание, на котором рыжий мальчик, ныне уже почти взрослый юноша, без труда победил всех соперников. Теперь он постоянно находился при дворе, скромно одетый, как и подобает поэту, в чёрное, но никому не желал показывать свои стихи. На принцессу он поглядывал несколько критически и, по видимому, не считал, что давнее их знакомство даёт ему какие-то права.

Однажды принцесса столкнулась с ним во дворцовом коридоре.

— Почему у тебя всегда такой недовольный вид? — спросила она.

— Должность моя бессмысленна. У меня нет никаких перспектив. А я хочу добиться успеха в жизни. Я третий сын, должно же мне когда-нибудь повезти.

Принцесса встрепелась.

— Третий сын? — спросила она. — Чей?

— Понятия не имею. Знаю только, что третий.

— Скажи, чего бы тебе хотелось больше всего на свете?

— Жениться на тебе. По-моему, тебе не очень идут кудряшки и ямочки, но дури в голове у тебя всё-таки поменьше, чем у других. И лицо у тебя милое. Оно мне всегда казалось славным. Да, я не прочь был бы жениться на тебе, а потом взять на себя заботу об управлении страной. Двор, в общем, сносный, но всё остальное надо будет перестроить на новый, современный лад. Главная наша беда — это отсутствие пунктуальности, да и законы все необходимо пересмотреть с точки зрения здравого смысла. А если мне придётся всё время только стихи сочинять, я рехнусь.

Принцесса вздохнула. Она вспомнила прекрасных принцев, которые приезжали с другого конца света с одной лишь целью — сказать ей, какое она чудо и совершенство. Но увы, она только смеялась над ними.

— Так и быть, — сказала она. — Пойду спрошу у папы.

— Лучшего и пожелать нельзя! — воскликнул король, выслушав дочь. — Времена меняются. Я-то надеялся, что этот молодой человек будет писать для нас стихи... Признаться, я несколько разочарован. А ты?

— А я — нет, — ответила принцесса.

Но на дни рождения к принцессыным детям фей уже не звали.

*Перевела с английского
А. СТАВИСКАЯ.*

Какое блаженство плыть под парусами!

Крашенинников стоял на палубе «Фортуны», любовался звёздами, наслаждался солёным дыханием моря. Наконец-то каждый час, минута каждая близит счастливую встречу с Камчаткой.

Почему-то он был уверен: вся его жизнь, сегодняшняя и грядущая, неразрывно связана с этой землёй. Камчатка — его волшебная, заветная Звезда!

Единственно, что омрачало, — разлука с друзьями: верным Лёшей Горлановым, рассудительным и добрым Ильёй Яхонтовым, даже со сникшим, захудавшим в сибирских странствиях Васей Третьяковым. Ну, ничего, через полгода весь научный отряд прибудет туда же, на Камчатку. Всем дела достанет. Земля-то огромная, превышает по площади Великобританию, а иные царства-государства можно разместить на Камчатке вкупе. Так под силу ли в одиночку эту такую громадину изучить, научно всесторонне исследовать?..

— Угоститься не желаете? — раздался за спиной предупредительный голос.

Крашенинников обернулся.

Перед ним стоял громадный человек в тяжёлой волчьей дохе. Это был посланец богатого иркутского

купца — Игнат Онуфриев. Или просто Игнашка. Держал себя Онуфриев всегда скромно, избегал скандальные и буйные сборища, даже портовые службы, и те, казалось, стороной обходил, а, поди ж ты, всё уладил, утряс, поместился со всеми товарами на последний рейс через Пенжинское море. При этом ущемлён был и Крашенинников: торговая кладь иркутянина вся целиком и загодя таинственным образом очутилась в межпалубном укрытии. Личные вещи студента и многих других пассажиров сложили на верхней палубе.

Игнат протягивал туго набитый кисет.

— Угощайтесь, милости просим.

— Спасибо.

— Не жалуете? А я так заместо печки дымлю. — И сам же рассмеялся. Смех у него был коротким, оборванным, точно начинался и заканчивался по чьему-то велению. Где-то Степан уже слышал этот особенный смех, но где — не вспоминалось.

— Признаю токмо черкасский лист. От китайского в горле першит и ценою дороже. Китайский, он для торгова выгоден. Особоливо, сказывают, на Камчатке — выше злата-серебра.

— Не знал о золоте камчатском...

— Оно там и не водится, золотишко. Зато мягкой рухляди — бери, не хочу! Морской бобёр, котик, соболь, лисы, прочего зверья, морского

и лесного, ценный мех. И всё почти задаром! В Иркутске, к примеру, за бобра самородок дадут. Редкостный мех, красоты необычайной, и сносу ему нет. А окромя камчатских берегов больше нигде не водится, потому и цена особая. На Камчатке же шкурку за топор без топорщища, за усольский нож сменять можно. У них, у камчадалов, вместо денег рухлядь мягкая в ходу. Одна лиса — один рупь! — Игнат засмеялся.

Где же Степан слышал этот странный смех?

— По отчеству вас как?

— Это нам пока не обязательно, господин студент. Вот ужо развернусь на Камчатке, ворочусь в Иркутск, заведу собственное дело, тогда и батюшку поминать велю. Пока токмо бороду приобрёл. Оттого и не признали меня. В позапрошлом году навевывались в Верхоленск? Там и повстречались впервой. Хозяин мой, Лямин, на торг посылал. Теперь Камчатку доверил. Муку везу, железные и прочие вещицы, табак.

Крашенинников по своему опыту знал: в Сибири табак в большом почёте, и чем дальше от мест, где в обращении деньги, тем выше цена табака. Проводники, лодочники, возчики в первую очередь просили за труды «шар». Так они называли табак, привозимый из Китая.

Теперь и Онуфриев вспомнился. В Верхоленске, куда профессора направили студента изучать жизнь «братских и прочих ясных мужиков», местной флоры и фауны, за неведомых науке птиц и зверей, из которых сам же Крашенинников изготавливал чучела, приходилось расплачиваться табаком. Его и выдавали вместо казённых денег. Платил Степан по совести, честно. Тогда-то и сказал ему приезжий купеческий человек:

«Зазря, господин студент, добром раскидываетесь. На вашем месте ой, сколько и для себя выиграть можно!»

Да, да, это и был тот самый Игнат Онуфриев. Только без усов, без бороды, без роскошной волчьей шубы.

— Наказов мне хозяин цульный короб насыпал, токмо и у нас не тыва на плечах! — Игнат заговорщически понизил голос: — Не угадаешь, где лучше, сохраннее. Наверху мокро, внизу сушь, но ежели течь, не приведи господь, али вообще судно покидать! Я загодя договорился. Под хороший процент. Ежели чего, моё чтоб добро в первую голову спасали. И вам такое советую, господин студент.

«Такой всех локтями отобьёт, через мёртвого переступит», — неприязненно подумал Крашенинников.

Игнат мгновенно уловил перемену в отношении к себе. Униженно залепетал:

— Для вашего же блага. Извольте чего, всегда рады... Не так, извиняюсь, истолковали... Мы ведь люди подневольные, хозяйские...

«И впрямь», — смятился Крашенинников и вспомнил погрузку. Вверенное ему казённое имущество тоже лежало в трюме. В Охотске пришлось выдержать неприятный разговор со штурманом. Мекешев поначалу велел оставить весь багаж на верхней палубе: «В трюма напихано, аж бортовые доски трещат!» Крашенинников, однако, настоял на своём, документ от профессоров показал. А в том документе ссылка на высочайшее императорское повеление оказывать всемерную помощь научной свите.

Штурман отступил на шаг:

— Государево — вниз, а уж собственные вещички, господин студент, — на верхнюю палубу. Всё!

У Мекешева без студента хлопот сверх всякой меры было, ни сил, ни злости не осталось.

Около полуночи вспыхнул переполох. Шум, топот, высокий, звучный голос кричал:

— Вода! Тонем!

Из трюма выскакивали перепуганные люди, пытались разобраться в обстановке. Те, что ночевали наверху, и вовсе ничего не могли понять. «Фортуна» по-прежнему скользила

под всеми парусами по штилевому сафьяновому морю с зыбкой дорожкой, за низким бортом журчала вода, лениво полоскались на ветру флаги.

Но звонкий, срывающийся от страха голос не замолкал:

— То-о-нем! Вода-а!

— Ти-иха! — гаркнул морской солдат Никифор Саламатов. — Тиха!

И стало тихо, лишь пофыркивали ослабшие косоугольные паруса в носовой части.

Путаясь в долгополой волчьей дохе, из люка выбрался Онуфриев:

— Братцы, вода в трюме! Вовсю хлещет!

— Тонем! — опять взвился, полоснул по сердцу утихший было голос. — Спасайся, кто мож...

Крепкий удар свалил мужичка на палубу.

— Не паникуй!

В темноте и неразберихе никто не заметил, когда появился штурман.

— Слушать всем! Не тонем, не гибнем. Течь всего-навсего. Плотноики, конопатчики, — за дело! Остальным — на откачку!

Толпа рванулась к кормовому люку.

— Да не скопом, не все одним разом!

Люди безропотно подчинились.

Налетке, с грузом небольшим, падающим усталые боковые доски шитика — а бот «Фортуна» и был не чем иным, как «шитиком», судном с нашитыми бортами, — можно было идти через Пенжинское море. Не без риска, конечно, но можно. Но в этот раз «Фортуна» так утяжелили всякими грузами, что в нескольких местах швы разошлись, моховую конопатку вымыло и в щели пошла ледяная вода.

Два деревянных насоса работали безостановочно, люди на рычагах сменяли друг друга через каждые сто качков. Остальные черпаками, кружками, мисками — чем могли — выполняли медные котлы. Котлы выносили наверх, опорожняли за борт. Мастеровые, скорчившись в низком

подпалубном промежутке, с красными от холода руками конопатили днище. Глухой стук дубовых молотков, всхлипы и скрипы насосов, тяжёлое, загнанное дыхание людей — всё сливалось в один тревожный, угрожающий шум.

Крашенинников с Аргуновым работали в одной паре. Портянки напитались влагой, облепили ледяными компрессами ноги до икр. А тело дымилось, и сердце норвило выскочить через развёрстый, хекающий рот.

— Не... не могу боле... — прохрипел Аргунов.

— Можешь, Осип. Мог! — подбодрил, потребовал Крашенинников. Он и сам едва держался на ногах, мышцы сводило.

Кое-как дотянули до смены. Короткий отдых, за ним опять — на рычаги.

Вверх-вниз, вверх-вниз...

Пока надрывались в работе, в мозгу билась одна мысль, одно желание — устоять, выдержать. Освободились от дела натруженные, в лопнувших волдырях руки, размякло тело, сразу накатила муторная горечь, закружилась голова. Студент и его писчик свалились от морской болезни. Невидная в сером предрассветье зыбь, плавная, размеренная, перекадывала «Фортуна» с борта на борт.

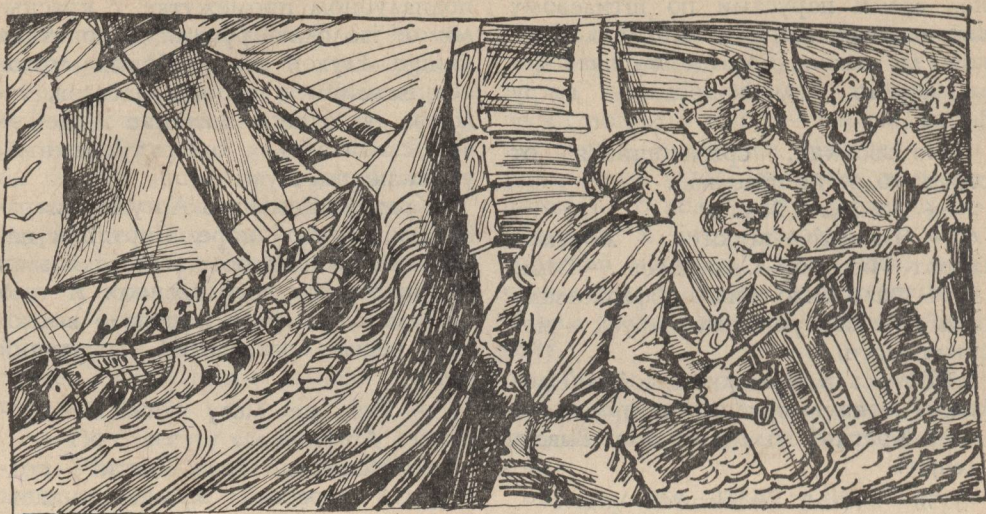
Штурман Мекешев ещё раз спустился в трюм. Под ногами хлюпала вода; люди уже выбились из сил, но уровень воды не снижался. Расталкивая богатырскими плечами матросов и пассажиров, штурман вернулся на кормовую надстройку.

Солнце ещё не взошло, но спереди, по курсу «Фортуны», румянило небо из-за горизонта. Позади, на северо-западе, было по-ночному темно, непроглядно. Разворачиваться на обратный курс — не спасение. С такой течью до Охотска не доплыть...

— Облегчить судно! Всё лишнее — за борт!

С груды вещей на палубе стянули брезент и остановились в нерешительности.

— Всё — за борт!

Началась неразбериха: одни ретиво исполняли команду, другие тащили из общей кучи, а то и вырывали из чужих рук своё добро, прятали его в канатных бухтах, под мачтой, у стенки кормовой надстройки.

Мекешев выхватил пистолет.

— Уложу! Каждого, кто!.. За борт! Всё! Живо!

Стрелять не понадобилось.

Летели, плюхались пузатые бочки с солониной, пеньковые тюки, сумы с провиантом, ящики с драгоценными скобяными изделиями, сработанными на новом железном заводе в Якутске, уходили в стылую воду мешки, пассажирские пожитки.

Никифор Саламатов, отделавшись от сундука с инструментами, наклонился над очередной кладью, а когда с натугой выпрямился, увидел: двое, ухватившись за ремни, раскачивают пухлый чемодан из телячьей кожи. Солдат хотел остановить, спасти вещи студента, но не успел. Описав крутую дугу, чемодан бухнулся в море.

Следом за чемоданом студента ушёл на дно и запасной якорь, дубовый крест с подвязкой из камней. Почти семь тонн поглотило Пенжинское море и, в благодарность за принесённую ему жертву, пощадило «Фортуну».

Бот привстал из воды. Штурман

опять подумал было повернуть назад, но отказался от такого решения.

— Так держать! — Зыркнул на кормщика и добавил для всех, кто мог услышать: — Не раки, задом не пятимся.

Нарочитая, капитанская удаль могла ввести в заблуждение кого угодно, только не Фёдора.

«Как же, не раки... Оно бы надо безоглядно назад удирать, да стихия не позволяет. Ветер сник, парусы обвисли, а треклятая зыбь несёт в сторону Камчатки. Оттого и — так держать».

Мекешев постоял ещё на корме и, наказав «глядеть в оба», сошёл по лесенке на палубу, а оттуда — в трюм, в единственную на судне каюту, двухместную кормицкую.

Мёртвая зыбь жестоко мотала «Фортуну» восемь суток. Восемь ночей и дней вычерпывали и откачивали воду. А на рассвете 13 октября вперёдсмотрящий на мачте закричал срывающимся от счастья голосом:

— Земля! Земля!

Все, даже больные, высыпали на верхнюю палубу. Но с палубы ещё не скоро удалось своими глазами удостовериться, что земля близка, увидеть гористую страну над горизонтом. Над — ибо зыбкие очерта-

ния вершин начинались не с линии окоёма, а маячили как бы сами по себе, оторванные от земных оснований.

Горы медленно, но неуклонно приближались, вздымались всё выше, обретали цвет и объём. К полуденному часу плоские лиловые их силуэты уже смотрелись, как серебряные рифлёные шишаки на синем оплечье.

— Ледяные горы, — пояснил кормщик. — Большая Ипелька и Опальная. На них и в летнюю пору снег лежит, не тает. Вот кабы с востоку плыть, по другую сторону Камчатки, так и вовсе чудеса чудесные. Горы эти горы есть.

— Это как понимать? — бодро спросил Игнат Онуфриев. Поклажа его, купеческая и собственная, осталась в полной сохранности, земля — рукой подать.

Фёдор вознаграждал себя за долгое молчание.

— Так и понимать. Дым над теми горами непрерывно курится, а то, ровно из преисподни, высокий огонь извергается.

— Адское пламя! — усилил впечатление матрос со шрамом на лице.

Солдат Никифор Саламатов, человек бывалый, служил и на Белом море, и на Балтике, но в здешних краях новичок, как и большинство слушателей, усомнился:

— Небылицы, матрос, плетёшь.

— Небылицы? Да я ещё безусым ходил, когда с Берингом...

— Не впутывай командора. Суть говори.

Кормщик — не последний человек на корабле, звание гордое, достоинство своё понимал и оскорбился от грубости солдата.

— Суть так суть. Горящая гора, она и есть горящая. Всё!

— Осерчала дева красная, — едко сказал Никифор, но против него ополчились.

— Не цепляйся, солдат! Всё тебе не так! Не любо — не слушай! Сказывай дальше, Фёдор.

Кормщик дал себя поупрашивать и опять пустился по извилистому фарватеру воспоминаний...

А земля Камчатка, что на восходе солнца казалась близкой, и в исходе дня виднелась на горизонте недостижимо. Ветер же незаметно усиливался. Море зарыбило мелкими волнами, там и сям закурчивали белые барашки, точно снежные заструги на синем поле.

Кормщик озабоченно поскрёб рыжую бороду:

— Беяки пошли. Не ко времени...

Кто-то с задором отозвался:

— Пока шторм разгуляется, мы уже в Большерецке будем!

— Скорый ты шибко, — хмыкнул Фёдор. — До Камчатки идти и идти. Да от устья Большой реки два дня грести супротив течения на лодках-долблёнках. Батами называются. Да за этими батами ещё в острог на ялике сходить, вызвать. Только не это главная трудность. Не во всякое время в устье войти можно. Отгорожено оно косой от моря. Камчатская кошка это... Не дай бог в лапы к ней попасть!

— Ничего! — весело произнёс звонкий голос. По нему и признали мужичка, который истошно верещал, когда течь обнаружилась. — Бог не выдаст — кошка не съест!

— Как знать, — неопределённо произнёс кормщик. В его недосказанности предугадывалась беда.

Ночью ветер из сильного сделался жестоким. С левого борта забухали тяжёлые волны, с грохотом рушились на обезлюдившую палубу. Пришлось убрать паруса, но и без них «Фортуну» гнало к земле.

Береговая линия выглядела сплошной и ровной. Губу, образованную слившимися реками, Большой и Озёрной, закрывали две косы. Вторая коса, именуемая «кошкой», и была главной преградой. В прилив, в большую воду, она утапливалась, даже военные корабли свободно проплывали над нею. В малую же воду кошка выступала над поверхностью моря или коварно скрывалась в пенных сугробах прибоя. Горе тому, кто неосмотрительно или бесшабашно совался в устье.

Сейчас, в новолуние, как и должно, стояла малая вода. Штурман «Фортуны» попытался отойти в открытое море, обезопаситься. Это не удалось. Шквальный ветер с норда препятствовал манёвру, опасно заваливал судно на правый борт. Того и гляди, изорвёт паруса, сломает мачту.

До кошки была ещё целая миля. В том месте, как знал штурман Мекешев, надёжная якорная стоянка. Глубина девять саженей, мелкий песок на дне, весьма быстро засасывает якорь. Случилось, правда, здесь оборвал свой десятипудовый якорь «Гавриил», но на «Фортуне» якорь куда легче и канат новый, в Охотске сейчас получен.

— Отдать якорь!

Канат ушёл в воду на три четверти. Натянулся, загудел струной. Однако не прошло и минуты, как судно опять потащило к берегу.

— Трави! — сорванным басом крикнул Мекешев.

Боцман откинул стопор. Ворот бешено завертелся, канат заскользил через клюз в море. «Фортуна», обретя свободу, рванулась грудью вперёд, но канат снова напружинился, резко дёрнул судно назад — и остановил.

Не успели порадоваться, волны и ветер возобновили натиск. Якорь волочился по песчаному грунту, не успевая зацепиться как следует.

«Фортуна» неумолимо гнало на пагубную кошку.

— Право руля!

Судно отказалось подчиниться кормщику.

— Не слушается! — доложил Фёдор.

Положение стало критическим. Судно предсмертно трещало, вот-вот вконец раздребезжится, расколется. Последний и единственный шанс — как можно скорее преднамеренно выброситься на косу.

— Руби канат! Канат руби!

Боцман давно сжимал острый топор, но взмахнуть им не успел. Канат сам лопнул, точно услышал приказ капитана. Теперь уже ничто не сдерживало «Фортуну». Могучая волна подхватила её и стремглав понесла к берегу.

— Все наверх! Держись!

«Фортуна» в пене и брызгах со скрежетом и костяным хрустом врезалась в чёрную спину кошки. Кормовая часть глубоко засела в плотном вулканическом грунте, нос и бушприт с обрывками такелажа задрались к небу.

— Уходи! Не мешкать! Уходи-и!

Люди в спешке и страхе покидали «Фортуну». Прыгали в мутную воду, по колено в бешеной кипени неуклюже бежали от обречённого корабля на спасительный пятачок суши. К счастью, всюю шёл отлив,

отмель быстро разрасталась, но вокруг бесновалось море. Грозное, безжалостное, непредсказуемое.

Первым обрёл речь кормщик Фёдор.

— Вот и приехали на эту самую кошку...

Никто не отозвался. Сгрудились, мокрые с головы до ног, дрожащие от пронизывающего ветра, от неотжитого ещё ужаса кораблекрушения. Да и наступило ли полное спасение? До земли сто сажень, а море, вот оно, в нескольких шагах, окружило со всех сторон.

Штурман неподвижно смотрел на свой бывший корабль. Море уже не отдаст «Фортуну», довершит чёрное дело, разобьёт в щепки, разберёт на рёбрышки, потом и рёбрышки заглохит. Свершилось неизбежное, о чём Мекешев и предупреждал охотское начальство...

Положение людей с «Фортуны» было незавидным. Уже на Камчатке и ещё не на Камчатке, не на земле. За какой-то час кошка высвободилась из водной толщи, обрела вид плоского, с горбинкой, острова, шириною в полсотни сажень. Морские волны учиняли робкие набеги, шурша, перестукивая камешками, взбегали на десять-пятнадцать шагов, истончались до стеклянной прозрачности и, обессилев, уползали обратно. На тёмном сером базальтовом песке высыхала желтоватая мыльная пена, чернела галька. Море выплёвывало её, как обглоданные фруктовые косточки.

«Вот и меня такая участь ждёт, — обречённо подумал Мекешев, печально глядя на заваленную набок «Фортуну». — И мне конец...»

— Господин штурман.

Мекешев отрешённо посмотрел на студента.

— Господин штурман, надо спасать казённую кладь. Все мои научные вещи в трюме... — Крашенинников говорил быстро, отрывисто. В голосе мольба, а ведь остался в одной рубаше, что на нём, просит же не о своём, не о собственном...

Студент был без шапки, без парика; мокрые русые волосы налипли на высокий чистый лоб. Трепетные крылья массивного горбатого носа раздулись; под тёмными дугами бровей, сдвинутых к широкой переносице, синие глаза. Чёткого и красивого рисунка рот с чуть заметно выступающей вперёд нижней губой, сильный подбородок с желобком — всё говорило о твёрдом характере, воле и решительности в действиях.

Мекешев слушал молча, с неожиданным для себя интересом разглядывал студента, затем перевёл взгляд на остальных людей. В запавших глазах, в иссушенных десятисуточным каторжным плаванием лицах читалась тупая покорность судьбе. Ветер быстро сушил одежду и обувь — на них выступала морская соль.

«Надо дать людям работу, дело. Смертельный враг потерпевших кораблекрушение — бездеятельность и чувство обречённости. Студент оклемался первым потому, что не о своём животе печётся...»

— Я требую наконец! Командуйте, капитан! — не получая ответа, гневно крикнул Крашенинников.

Штурман будто очнулся, осадил студента:

— Да, покамест команду здесь я. — И повернулся к толпе, приказал: — Всем на разгрузку. Стаскивать сюда, на взлобок.

Не оглядываясь, он двинулся по влажному песку к разбитому судну.

Непостижимо, как много, чудовищно много вмещала в себя столь

малая посудина. Не верилось, что с таким грузом переплыла море, а ведь часть клади, и весьма солидную, сбросили в пути.

На взлобке косы росли, как муравьиные кучи, навалы из яшиков, сум, мешков, бочек. И люди, подобно муравьям, двигались двумя цепочками. В одну сторону — налегке, в другую — с тяжёлой ношей.

Трудная работа, казалось, должна бы доконать измученных людей, но произошло обратное: разогрелись, поднялось настроение. А тут и чай в котле закипел.

Растянуть бы такое блаженство не на глоток, а на капли, прикорнуть бы у костра...

— Кашеварам обед ладить, остальным — на разгрузку, — опять велел штурман. — Торопись, море ждать не станет.

«Фортуна» доживала последние часы.

К вечеру сломало грот-мачту. И мачта, и корпус бота стали подручным материалом для шалашей, топливом для костра.

К утру переломился килевой брус, распались бортовые щиты. Лишь теперь до конца стало ясно, каким безумством было пускаться в море на таком судне. «Фортуна» держалась на плаву только благодаря многослойной смоляной обмазке и жировой пропитке из масел, что в морских передрыгах вытекали из бочек. Крашенинников поднял кусок дерева. Оно прогнило изнутри дочерна, крошилось в руках...

Прошли сутки, как «Фортуна» выбросилась на кошку, но на берегу не объявилась ни одна живая душа. Надо самим плыть в острог, бить тревогу, просить лодки для людей и грузов.

К счастью, судовой ялик удалось в невредимости оттащить в лагерь. Перебраться с косы на безопасный берег можно только на нём — других переправочных средств не было.

— До спокойного места не одна верста, каждая ходка отнимет часы. А сколько их, хёдок, надо?.. До по-

луночи не управиться, и ялик загубить просто, а без него пропадём, — рассуждал вслух Мекешев.

Все понимали: штурман прав, но как же тоскливо и боязно оставаться на косе. Большие волны по не приметным глазу впадинам переливались через песчаный островок совсем близко.

— Нельзя казённую кладь бросать на произвол судьбы, — поддёржал штурмана студент Крашенинников. Неожиданно примкнул к ним и Онуфриев. Вчера он бормотал синими губами: «Не до жиру, быть бы живу». Теперь, оклемавшись, громко заявил:

— Чо мы без добра своего делать на Камчатке станем? В нуль обратимся!

— Довольно судачить, — оборвал разговоры Мекешев. — Готовить ялик. За старшего ты, Фёдор.

Через полчаса ялик с шестью гребцами отошёл от косы и двинулся в устье Большой реки.

Где-то за тучами солнце ещё набирало высоту, а от «Фортуны» и следа не осталось. Прибойные волны поглотили последние щепки.

Пусто, дико, совсем беззащитно сделалось на песчаном островке. Ни корабля, ни плотов, ни даже ялика — не на чем спастись, если вдруг нахлынет своенравное Пенжинское море.

— Вот такая фортуна нам выпала, Степан Петрович. Смерть тут принять, — беспечно, смирившись с неизбежным концом, произнёс Аргунов.

— Не спеши крест ставить, Осип, — хмуро отозвался Крашенинников.

Внезапно твердь под ногами дрогнула, вдоль кошки побежала скрытая волна. За ней другая. Колени самопроизвольно от толчков подламывались, нарушая равновесие тела.

— Трясение земли! — первым догадался Мекешев и успокоил всех: — Здесь такое дело обыкновенное. А толчки слабые, далеко где-то случилось. На Курилах или по другую сторону Камчатки.

Объяснение внесло ясность, но не избавило от тревоги.

Подземные судороги повторялись и в ночи.

Сквозь тучи прорезался свет ушербного месяца, льдисто-зелёный, неживой. Сморщенная, влажная кожа блестела, как отколовшаяся от

берегового припая льдина с шаткими тенями людских фигур.

Помощь из Большерецкого острога пришла 21 октября, на восьмой день после кораблекрушения.

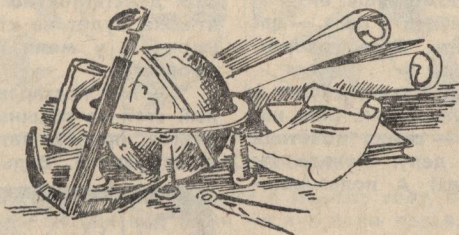

Степан Петрович Крашенинников мужественно преодолел все трудности жизни и работы на Камчатке. Он обстоятельно изучил малоизведанный тогда край: проплыл, объездил на собаках, прошёл пешком полуостров, как говорится, вдоль и поперёк. За десять лет — включая дорогу от Петербурга и обратно, а также сибирские маршруты — преодолел двадцать семь тысяч пятьсот километров.

Книга С. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» — и поныне самое полное и научно достоверное описание этого удивительного полуострова. Имя знаменитого учёного и путешественника было включено в число двенадцати наиболее выдающихся представителей Академии наук XVIII века, вслед за Ломоносовым и Эйлером.

Но здоровье учёного было подорвано суровыми лишениями, недоеданием, непосильным трудом. Он умер на сорок четвёртом году жизни — 25 февраля 1755 года.

Имя Крашенинникова живёт на географических картах. На Камчатке и близ неё есть вулкан, остров, бухта, мыс Крашенинникова. Есть мыс Крашенинникова и на Новой Земле. Есть «квасцы Крашенинникова», растение «Крашенинникова». И навечно остался в сердцах потомков образ смелого рыцаря науки Степана Петровича Крашенинникова.

Новый год был уже не за горами, когда Варя, катаясь на коньках, подвернула ногу.

— Ничего страшного, — сказал врач, — надо немного полежать в постели.

Хорошо сказать «немного полежать»: все пойдут на ёлку, будут танцевать, веселиться, а она тут одна...

Вася — настоящий друг, он всё понял по грустному Вариному лицу и пошёл к десяти братьям спросить совета.

УРОК ВТОРОЙ. ПРО СКАТЕРТЬ- САМОБРАНКУ.

— Хочешь устроить праздник для Вари? За скатертью-самобранкой пришёл! — встретил его Второй брат.

— Да, — кивнул Вася. — Хочу пригласить ребят встретить Новый год у нас. Чтобы Варя не грустила. Но разве... скатерть-самобранка действительно существует?

— Конечно! — И с этими словами Второй брат развернул перед Васей белокрасную клетчатую скатерть.

— А какие слова говорить надо!

— Говорить ничего не надо. Надо взять нож... Погоди, а ты вообще знаешь — что такое праздничный стол!

— Ну конечно: мама печёт очень вкусный пирог, делает салаты всякие...

— А разве ты не помогаешь ей!

— Помогаю, — улыбнулся Вася, — начинку у пирога пробовать. Папа говорит, кухня — это для женщины.

— А вот и неправда! Известнейшие в истории повара были мужчинами. Есть народы, у которых повар — самая почётная профессия. Однако — к делу. Нож-то ты умеешь держать в руках! А пользоваться газовой плитой!

— Да.

— Прекрасно. В таком случае — скатерть на стол! Кстати, совсем не обязательно брать её у мамы из шкафа. Склей

два больших белых листа бумаги, разрисуи их по краю цветами или узорами, можно вырезать по краю фестоны или наклеить аппликации. Ведь стол-то у тебя новогодний, и, значит, нужно придумать что-то необыкновенное. Ты как хочешь украсить стол!

— Ну, поставлю цветы.

— Какие! Бумажные! А я предлагаю: поставь в вазу небольшую еловую ветку, укрась её одной-двумя игрушками, иголки можно посыпать натёртым на тёрке пенопластом. Вместо игрушек можно подвесить упакованные в разноцветную фольгу маленькие подарки для гостей. И на каждом — номер или какой-нибудь знак, такой же будет стоять в пригласительном билете, который ты вручишь друзьям заранее. Какие подарки! Ну, это уже твоя фантазия: может быть, яркий карандаш, листик жевательной резинки, несколько орехов, открытки, календарик... Дело не в подарках — дело во внимании.

— Не пора ли ставить на стол тарелки! — спросил Вася.

— Подожди. Мы ещё не закончили украшение стола. Если у тебя на столе будут бутылки с лимонадом, пепси-колой, соком, придумай для них «одежку». Лист плотной бумаги оборачивается вокруг бутылки, склеивается. И на нём рисуются всякие забавные физиономии: пирата, гусара, клоуна... Или — оберни бутылки широкой лентой из цветной бумаги, а к ней приклей цветы, мордочки зверюшек... В такую же — свёрнутую в рулончик — бумагу можно вставить друг в друга надрезанные посередине силуэты ёлочек. В оставшиеся промежутки поставишь соломинки для коктейля и салфетки. Аккуратно обмакни края каждого бокала или стакана в воду, а потом — в сахарный песок. На стакане получится красивый «киней». [Как выглядит такой стол, смотрите на 2-й странице обложки.]

А над столом можно повесить воздушный шар, к которому приклеены усы и борода Деда Мороза. Можно — шар, на который наклеены серебряные звёзды.

— Да... — задумчиво протянул Вася. — Это действительно праздничный стол. Но что же будет на столе! Я ведь ничего не умею, и у меня нет никаких особенных продуктов.

— Мы постараемся сделать праздничный стол из обычных, известных тебе продуктов, причём затратив минимум времени и усилий. Ведь ребята придут не за

солом сидеть, они будут танцевать, играть [кстати, позаботиться заранее о программе вечера], поэтому всё на нашем столе должно быть компактным и удобным. Например, бутерброды.

— Да их всем дают ежедневно!

— А ты сделай необычные бутерброды. Например — «полосатые». Для этого разрежь хлеб на куски, намажь маслом, положи сыр такого же размера. Теперь на сложенные друг на друга бутерброды положи груз и оставь так на полчаса. Потом разрежь всё это поперёк и разложи веером на тарелке. Красиво!

— Да! Такого я не видал ни у кого. А с чем ещё делают бутерброды?

— Да с чем угодно! Например: бул-ка, слой творога, смешанного с сахаром и ванилью, а сверху изюм и грецкие оре-хи. Вместо орехов и изюма можно поло-жить фрукты или ягоды из компота, ку-сочки свежего яблока или апельсина. А можно сделать разнообразные пасты...

— Паста!.. Я знаю только зубную.

— Паста — это смесь очень мелко на-резанных и растёртых продуктов. Напри-мер, сваренные вкрутую яйца, небольшая луковица, томатный соус, майонез, соль и перец. Или: яйца вкрутую, сливочное мас-ло, соль, перец и, если есть, зелень. Ну и, конечно, такие бутерброды нужно кра-

сиво украсить: колечками зелёного лука [его можно настричь ножницами], струж-ками из моркови. Здесь тоже простор для фантазии.

Ну а если хочешь особенно удивить и позабавить своих гостей, попытайся сде-лать «бутербродного ежа». Для этого возь-ми кочан капусты, сними с него первые грязные листья, хорошенько вымой и, сре-зав кочерыжку, положи на блюдо. Всё, что есть в доме — сыр, колбасу, солёный огу-рец, мясо... — нарежь ломтиками и наколи на «бутербродные шпаги» [обыкновенные заострённые палочки], а потом воткни в кочан. Получится ёж. К такому «ежу» на-до только подать хлеб с маслом, а уж ка-кой кусочек с «ежа» себе положить — это каждый выберет на свой вкус.

— Вот я сейчас слушаю, и у меня та-кие бутерброды придумываются! Как буд-то я уже всё это и раньше знал, а меня только подтолкнули!

— Так оно и есть. В этом секрет ска-терти-самобранки. Ведь праздничный стол — это тоже творчество. Для него нуж-ны не только умелые руки, но и фанта-зия, юмор, желание доставить окружаю-щим радость. Так что желаю успеха!

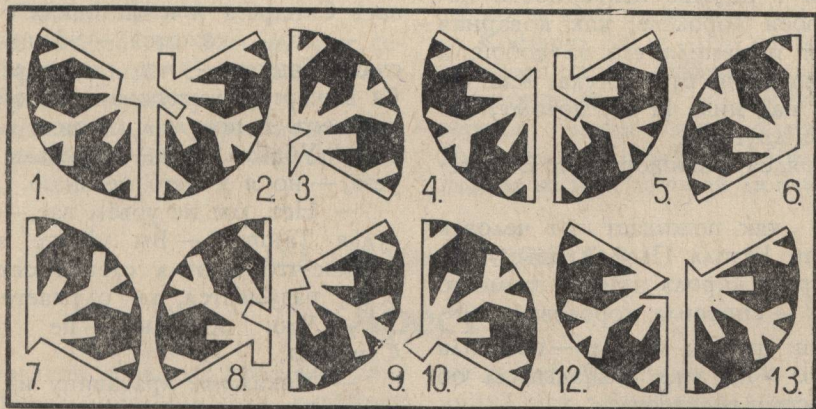
Ну а вы, ребята, пробовали когда-ни-будь приготовить праздничный стол сами? Если нет — можете воспользоваться сегод-няшним занятием. А если придумаете что-то своё — интересное, необычное, тог-да присылайте нам рецепты!

Помогает десяти братьям журналистка Наталья ЖУКОВА.

узелок

Рис. Д. МАЙСТРЕНКО

Текст Ю. БУКОВА

СЛОЖИ СНЕЖИНКИ

Два первоклассника украшали класс к Новому году, но поссорились, как два петуха. Правда, летали над ними не пух и не перья, а бумажные сне-жинки. Подскажите малышам, как склеить украшения.

Три „альп-узла“

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ Огненная маска

Той страшной ночью бравый капитан Жерар де Жийю отменно поработал и шпагой и кинжалом, чем заслужил особую благодарность Екатерины Медичи. В знак высокой признательности королева пригласила его к себе.

— Ходят слухи, капитан, — сказала она, — что вы давно и безнадежно влюблены в одну из моих фрейлин.

— Увы! — вздохнул Жерар де Жийю и в порыве искренности поведал своей королеве, как коварная Сандреза поманила его за собой, а затем надменно оттолкнула. Как издевалась над ним. И всё потому, что увлеклась другим...

Состоялся разговор и с Сандрезой.

— А как поживает тот человек по имени Базиль Пьер Ксавье Флокко, которого король принял за моего шпиона? — спросила королева.

— Он погиб, мадам, — ответила Сандреза. — Я уже докладывала об этом вашему величеству.

— Не верю я тебе, милочка, — сказала Екатерина. — И давно. Так

где находится сейчас твой возлюбленный?

— Он погиб.

— Ты лжёшь! Я слишком много прожила на свете и слишком часто обманывала сама, чтобы не отличить правду от лжи. Тебе всё равно придётся всё рассказать. Надеюсь, у тебя хватит благоразумия признаться во всём здесь, у меня, иначе придётся говорить правду в другом месте.

— Я ничего не знаю, мадам.

С такой же твёрдостью держалась Сандреза и в застенках.

— Вам кажется, — убеждал её судья Таншон, — что вы отдаёте себя в жертву, выгораживая любимого человека. А подумал ли он о вас?

— Убейте меня, — зарыдала Сандреза, — но я ничего не знаю.

— Нет, мы не убьём вас, — сказал судья Таншон. — Вы уйдёте живой, но кое-что в этих стенах оставите. Если, разумеется, не одумаетесь.

— Что оставляю? — не поняла Сандреза.

— Покажите красавицу из сорок девятой камеры!

В комнату привели женщину. Она сутулилась, словно придавленная тяжёлой ношей. Длинные светлые волосы падали ей на плечи и грудь. Чёрная маска закрывала лицо.

Окончание. Начало в «Искорке» № 5, 6, 8, 9, 10, 11.

— Эта женщина, — сказал Таншон, — совсем недавно была столь красива, что любой мужчина при виде её терял голову. Теперь мужчины будут от неё отворачиваться с содроганием.

С женщины сняли маску — и Сандреза вскрикнула. Лицо женщины представляло сплошную, ещё не зарубцевавшуюся рану. Розовая, туго натянутая блестящая кожа секлась белыми и красными прожилками. На месте рта темнело стянутое к краям отверстие, в котором виднелись оскаленные зубы. На месте бровей выделялись продолговатые малиновые пятна.

— Вот что ожидает вас, дочь моя, — сказал судья Таншон, — если вы не одумаетесь.

— Я ничего не знаю, — прошептала Сандреза.

— Палач, покажите ей маску.

— Эта медная маска, — пояснил Люсьен Ледром, — раскаляется докрасна на углях и прикладывается к лицу. Вот так. Причём глаза мы сохраняем — иначе как увидеть потом себя в зеркале?

Холодная медь прикоснулась к лицу, и Сандреза в ужасе отшатнулась.

— Я в последний раз обращаюсь к вашему рассудку. Ответьте, где скрывается Базиль Пьер Ксавье Флоко? — спросил судья.

— Я люблю его больше, чем себя, — проговорила Сандреза, — больше, чем свою красоту.

Её положили на деревянный топчан. Привязали. Запахло медной окалиной.

— Где сейчас Базиль Пьер Ксавье Флоко? У вас осталась последняя возможность.

— Я люблю его, — едва заметно шевельнулись её губы, и она тут же задохнулась — яростная боль обожгла лицо.

Лишь на другой день Сандреза пришла в себя. И чем отчётливей проступало у неё сознание, тем явственней становилась боль. Но страшной боли была мысль о том, что нет больше у Сандрезы её прекрасного лица. Отныне у неё другое лицо — уродливое и отталкивающее, лицо, которое будет вызывать у людей только отвращение. С этого дня она никогда не расстанется с маской.

...Старой королеве понравились любовные послания бравого капитана Жирара де Жийю к Сандрезе. Особенно вот это:

«С тех пор, как я увидел Вас, мир стал для меня иным. Он наполнился новым содержанием, расцвёл новыми цветами... А та неземная красота и внутренняя гармония, которыми наградила Вас бог, сделались для меня высшим эталоном... Великая любовь требует великого подвига. Если мне представится возможность, я его совершу. Ради Вас. Ради истины. Ради любви».

— Прекрасные письма сочинил капитан, — сказала королева. Она, конечно, и не подозревала, что написал их Жоффруа Валье. — Но капитан, оканчивается, лгун... Любви на свете нет!.. Отправьте-ка его в Бастилию. Не терплю, когда меня обманывают. Пусть он там совершит свой великий подвиг во имя великой любви!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Арест

Кровавая ночь под праздник святого Варфоломея оглушила Жоффруа Валье и вместе с тем неожиданно прибавила ему сил в работе над книгой. Замкнувшись, уйдя от мира, он писал и писал.

«Слепая вера — бич знаний, — писал Жоффруа. — При ней господству-

ют застой, рутина и мрак. У христианина нет веры, исходящей из знаний. Потому его вера похожа на веру скота или попугая. Все проповеди наших христианских проповедников — попугайская тарабарщина, в которой отсутствует хотя бы малейшее разумение».

«При свете свечи два сержанта и лейтенант рылись в шкафу, складывали книги и рукописи в мешок».

Он писал:

«Нельзя во всё только верить, нужно ещё что-то хотя бы немного знать. Знания, основанные на собственном разуме, дают простор столкновению мыслей, они ведут к спору, в котором рождается истина. Поэтому знания, в отличие от веры, вечны. То, во что мы верили вчера, сегодня устаревает, умирает. Но беспрекословность веры, её незыблемые догматы не дают сдвинуться с места, назвать мёртвое мёртвым. Только знания, только живая ищущая мысль могут привести человечество к истине».

...Жоффруа Валле арестовали ночью. Ровно через двадцать четыре часа после того, как за огромные деньги в типографии Прижана Годека был отпечатан и сброшюрован последний экземпляр его книги «Блаженство христиан, или Бич веры».

При свете свечи два сержанта и лейтенант рылись в шкафу, складывали книги и рукописи в мешок.

Чтобы оценить всю прелесть уютного кресла, в котором проведено столько замечательных часов, нужно посидеть в нём последний раз. Вытянув ноги, Жоффруа блаженствовал. Последние мгновения! Самые последние, которые никогда не повторяются! Всё же он очень любил уют и

удобства, он, рискнувший на бунт Жоффруа Валле.

— Вы готовы? — бесстрастно спросил лейтенант. — Нам пора ехать.

...Гулая каменная комната, освещённая коптящими факелами. Посреди комнаты табурет. За длинным столом — судьи в чёрных мантиях. Лица невыспавшиеся, помятые.

— Знаете ли вы, Жоффруа Валле, по какой причине оказались здесь?

По какой?! Ещё бы ему не знать! Книга отпечатана. Тираж разошёлся. Жоффруа спешно раздал и разослал книгу друзьям и знакомым.

— Эта книга знакома вам? Она называется «Блаженство христиан, или Бич веры». Вы писали её в состоянии горячки?

— Зачем в горячке? — сказал он. — Я писал её в здравом уме. Я и сейчас считаю, что написал правильно.

Его водили на консилиум врачей и задавали многочисленные вопросы. А он с ужасом ожидал момента, когда начнут пытаться. И каждую секунду боялся, как бы не произнести имя Анжелики.

Сколько всего было допросов?

Кажется, три.

— Вы встречались в Риме с нашим папой римским. А затем осуждали его.

— Почему затем? Я его и до того осуждал...

— Снова святотатствуете!

— Ага, думать и тем более критиковать — у нас самое дерзкое святотатство.

— Отрекаетесь ли вы от мыслей, изложенных в вашей еретической книге? Палац, ознакомьте подсудимого с орудиями пыток.

— Э! Сразу и пытки! Зачем пытки? Пожалуйста, я отрекаюсь. От страха и боли я от чего угодно отрежусь. И в чём хотите признаюсь.

— Мы ждём от вас добровольного признания, раскаяния и отречения.

— Так я совершенно добровольно. И в протокол запишите, что добровольно. Без всякого принуждения.

Испугался и сразу отрёкся. Я пыток боюсь. Честное слово. Вы чем думаете? Сердцем? А я — головой. Как начну думать, так сразу всякие сомнения. А не думаешь — и никаких сомнений. И жить легко. Лучше уж не думать и держаться на одной слепой вере.

— Снова кощунствуете и богохульствуете.

— Я размышляю. Все, кто размышляет, — еретики и богохульники. А кто не размышляет, те — праведные католики. Те хорошие.

Он балагурил из последних сил. И ненавидел себя. Ненавидел за подлое шутовство, за утраченное достоинство и непроходящий страх перед неизбежным, неумолимо приближающимся концом.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Помилование

Короли на то и существуют, чтобы, руководствуясь доводами высшей справедливости, казнить или миловать. Время подгоняло Базиля. Он надеялся, что король не забыл об услуге, которая ему была оказана, как не забыл и о своём монаршем обещании.

В конце января 1574 года Жоффруа Валле вынесли смертный приговор. Его приговорили к публичному покаянию и сожжению на костре. Правда, проявив особую милость, сжечь его решили не живым, а предварительно удушенным.

Приговор гласил:

«За содеянные им преступления против церкви и святой католической веры вышепоименованный Жоффруа Валле должен быть вывезен из тюрьмы Шатле в повозке и довезён до главных ворот Парижской Церкви. Находиться ему при этом на коленях, с босыми ногами, в одной рубашке и с непокрытой головой. На шею надеть ему верёвку, а в руки дать горящую восковую свечу в два фунта. Всю дорогу от Шатле до главных ворот Парижской Церкви вышепоименованный Жоффруа Валле обязан громко говорить,

что он дерзко, злонамеренно и неразумно сочинил, напечатал, а затем распродал книгу под названием «Блаженство христиан, или Бич веры». Что он, Жоффруа Валле, уроженец Орлеана, держал по разным поводам богохульственные речи, подрывающие божественную веру и нашу святую католическую церковь. В речах этих он теперь раскаивается и просит божьего прощения и милости Божеской, Королевской и Судейской. Его скандальную книгу сжечь в его присутствии перед названной церковью на площади Грев. А его самого привязать там же к столбу и задушить. Тело сжечь и обратить в пепел. Имущество конфисковать. При конфискации изъять сумму в четыре тысячи парижских ливров, отдав их на благотворительные цели. Одну тысячу парижских ливров — беднякам Парижской богадельни, одну тысячу — общине бедняков Парижа, две тысячи — четырём нищенствующим монашеским орденам, монашкам монастыря Девы Марии и всем кающимся девам и дочерям божьим по ровну».

Так гласил приговор. И отменить его мог один король.

«— Я милую Жоффруа Валле, — не дослушав Базилья, проговорил король. — Ступайте».

Сначала в Лувре Базилью не повезло. Он никак не мог пробиться к королю. Право прийти к королю в любое время Базиль имел, а попасть к нему не мог. Король Карл IX последнее время никого не принимал. Тяжёлый недуг свалил двадцатичетырёхлетнего монарха.

— Глубокоуважаемый маркиз, — говорили Базилью, — то, что вам жаловал король, остаётся в силе. Но король болен. Дело идёт на поправку. Погодите немного. Как только король станет лучше, вас к нему сразу же допустят.

Но у Базилья не было времени ждать, ведь болезни, как известно, приезжают на лошадях, а уходят пешком. Уже несколько месяцев, как король утратил всякий вкус к жизни. Широкая постель под массивным балдахином словно проглотила Карла. Бледный и анемичный, он тоңул в ней, проваливаясь в пышные перины и подушки.

У изголовья короля, сменяясь, дежурили лучшие эскулапы. Собираясь на консилиумы, они прописывали одни лекарства и отменяли другие. Повара изощрялись в приготовлении самых изысканных блюд, которые подавались сюда же, к постели. Но всё это Карл отводил вялым движением руки. Он ни с кем не хотел говорить и разговаривал только с Мадлон — со своей старой кормилицей.

Однажды Мадлон шепнула:

— У меня просьба к тебе, родной. Ты её исполнишь?

— Да, — отозвался Карл.

— Одного хорошего человека приговорили к смерти, — сказала она. — Его нужно помиловать.

— Передай, что я его помиловал.

— Но ты даже не знаешь, как его зовут.

— Мне достаточно, что это знаешь ты.

— Помнишь маркиза, который дрался на дуэли с капитаном? — продолжала говорить Мадлон. — Помнишь, как ты негодовал? А потом маркиз со своим другом поскакал в Рим и привёз тебе разрешение на свадьбу. Теперь его друг, тот самый, с которым он ездил в Рим, попал в беду и приговорён к смерти. Ты должен выслушать маркиза.

— Где он? — открыл глаза Карл.

— Он здесь.

Держа берет в руках, Базиль вступил в затемнённую, хорошо прогретую комнату. Мадлон устроила ему свидание с королём в самое удобное время. Спальня пустовала. Лишь в кресле у окна дремал дежурный эскулап да на стуле у изголовья кровати сутулилась монашенка.

Стараясь быть кратким, Базиль изложил суть дела.

— Я милую Жоффруа Валле, —

не дослушав Базиля, проговорил король. — Ступайте.

Переполненный радостью, Базиль попятился от мрачного ложа. Но он не успел выйти из спальни — раздался тихий щелчок, и в стене, задрапированной китайским шелком, отворилась потайная дверь. В комнате появилась вдовствующая королева Екатерина Медичи. В руке она держала тяжёлую связку ключей.

— Как вы здесь очутились? — спросила она у Базиля. — Я приказала никого не пускать к королю.

— Это я привела сюда маркиза де Бука, — отозвалась Мадлон.

— Зачем?

— Маркиз просил помиловать человека, приговорённого к смерти.

— За что он осуждён?

— Он написал книгу, которую сочли кощунственной.

— Ваше величество, — приблизилась Екатерина к кровати, — если человек написал кощунственную книгу, значит она направлена против бога и короля.

— Но я желаю, чтобы тот человек жил, — прошелестел Карл бесцветными губами. — Я обещал.

— Вы обязаны думать прежде всего о себе и о судьбе Франции. Скажите маркизу, что вы не можете выполнить его просьбу.

— Но я уже... — попытался воспротивиться Карл.

— Скажите маркизу то, что сказала я.

— Мне жаль, маркиз, — пробормотал король. — Я бы с удовольствием. Но я устал... простите меня...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Цена фамильного бриллианта

За бриллиант, который Базиль вновь принёс Раймону Ариньи, ростовщик пообещал сделать невозможное.

— Твой Жоффруа Валле обретёт свободу, — заверил он.

Раймон Ариньи сдержал слово. Он провёл операцию по спасению Жоффруа Валле быстро и чётко. Одинокая камера, где находился Жоффруа Валле, распахнула перед ними двери.

— Ты свободен, — сказал Базиль. — Мы пришли за тобой. Скорее.

...Легко понять чувства приговорённого к смерти. Когда в замке поворачивается ключ и скрипят несмазанные петли — кто может идти к осуждённому? Естественно, палач или священник.

И вот заскрипела дверь. Распахнулась. И на пороге показался... Базиль Пьер Ксавье Флоко.

— Скорее, Жоффруа! Мы пришли за тобой.

Жоффруа не поверил. Он отступил перед видениями и упал лицом в соломенный матрац.

— Жоффруа! — кинулся к нему

Базиль. — Это я — Базиль. Нам нельзя терять времени. Быстрее!

— Анжелика знает? — первое, что спросил Жоффруа, начиная верить в реальность происходящего.

— Я боялся преждевременно обрадовать её, — ответил Базиль.

— Помочь вам собраться? — предложил Раймон.

— Что мне собирать? — улыбнулся Жоффруа. — Какие у меня вещи!

— Так бежим.

Они бросились к распахнутой двери. Охранник услужливо уступил им дорогу. Сзади хромал Раймон. И вдруг, уже в коридоре, Жоффруа остановился.

— Погодите!

— Что? — спросил Базиль.

— Погодите, — повторил Жоффруа, — я, кажется, не смогу просто так уйти отсюда.

— Что-нибудь с ногами?

— С совестью, — сказал Жоффруа. — Я обязан вернуться в свою камеру и публично сгореть на костре.

— Почему?! Что ты говоришь?!

— Что стоит истина, если за неё

нельзя умереть? Человек, если он борется за истину, должен уметь отказаться и от житейских благ, и даже от самой жизни.

— Можем ли мы что-нибудь сделать для вас? — спросил Раймон.

— Рубашку, — тихо проговорил Жоффруа. — Если бы можно было, каждый оставшийся день — свежую рубашку.

— Что ещё? — сдерживая спазмы в горле, спросил Базиль.

— У меня не поворачивается язык.

— Что?

— Я бы хотел попрощаться с Агжейкой. Понимаю всю дикость просьбы, но очень хочется последний раз увидеть её. Хотя бы на мгновение.

— Как ты думаешь, Раймон, — спросил Базиль, — это возможно?

— Думаю, что организовать свидание легче, чем организовать побег.

И, как всегда, он выполнил своё обещание.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Казнь

Все мы когда-нибудь отправимся к праотцам. Не сегодня, так завтра. Что же тогда печалиться?

Так всегда казалось Жоффруа. С этой мыслью он писал книгу, с этой мыслью готовил себя к неизбежному концу. Но когда смерть подступила вплотную, вдруг оказалось, что умереть завтра значительно справедливей, чем сегодня.

Он осознал эту жуткую истину ранним утром в день казни.

За окном камеры было ещё темно, на чёрном, затянутом хмарью небе не проглядывало ни единой звезды, когда за ним пришли.

Свежая рубашка обняла плечи, но пуговицы никак не желали попадать

в петли. Грудь наполнилась болью. Словно душа обрела когти и упрямо рвалась наружу. Что-то сплелось в клубок и выло и царапалось, пытаясь вырваться наружу. Жоффруа догадался: кошки, которых мальчишки на праздник святого Михаила завязывают в мешок и бросают в костёр на площади. Сегодня ошалевшие кошки бесновались в нём, в Жоффруа Валле.

...Но на улице было совсем не холодно, даже в одной рубашке. Это хорошо, что он умирает в чистой рубашке! А какой изумительно вкусный снег! Как волшебю тают на губах снежинки...

...Эта двуколка запряжена ослом.

«Встать коленями на рогожу? Хорошо, что на рогожу. Могли бы поставить и на голые доски».

для него? Почему ослом? Ах, да! Встать коленями на рогожу? Хорошо, что на рогожу. Могли поставить и на голые доски. Он не выдержал бы на голых досках. Ехать далеко. И весь путь на коленях...

...Тряско вскидывает повозка. Больно коленям. Рогожа — не пуховая подушка. Снег падает и падает. А свеча не гаснет. Почему столько народу на улицах? Провожают его? И крестятся, словно провожают покойника. Очень у нас любят провожать покойников.

Что? Какие слова он должен произносить? Пусть они говорят, он повторит.

— Я, Жоффруа Валле, уроженец Орлеана, дерзко, злонамеренно и неразумно, — механически повторял Жоффруа, — сочинил, напечатал, а затем распродавал книгу под названием «Блаженство христиан, или Бич веры». Я произносил по разным поводам богохульственные речи, подрывающие...

И снова:

— Я, Жоффруа Валле, уроженец Орлеана...

— Я, Жоффруа Валле...

Сколько раз пробубнил он это над горящей свечой себе под нос? Десять? Сто?..

...Вот и площадь. Каменные апостолы на фасаде церкви уткнули подбородки в пальцы. О чём они молятся? Головы апостолов покрыты белыми шапками снега. Нахохлившиеся голуби попрятались в углубления под складками каменной одежды.

— ...в этих речах я теперь раскаиваюсь и прошу...

Над спиной у ослика кудрявится пар. И над чёрной гудящей толпой на площади тоже поднимается пар. Они все пришли посмотреть, как он станет умирать. Парижские колокола отзванивают панихиду. Когда идёт снег, у колоколов совсем иной звук. Или Жоффруа так кажется потому, что он слышит колокола в последний раз? Наверное, в последний раз всё слышится и видится иначе. Они там, на площади, не знают этого.

Совсем занемели ноги. Не подниматься с коленей. Палачи помогут, они добрые. И на поленицу дров они помогут взойти. Какая огромная поленица!

...А вот и книги. Собрали всё, что он отпечатал. Он будет гореть в огне своих книг...

Да, да, спасибо, я поднимусь сам. Просто чуть онемели ноги. От неудобного положения. Осторожно, не

ПРОЧТИ
ЭТИ
КНИГИ

«Эх, славная это штука — бронепоезд... Крепость на колёсах! Врагу не подступиться!»

И всё-таки попали мы раз к белогвардейцам в западню да так увязли, что не надеялись и выбраться. Говорю как командир: если бы не Паша Сироткин, наш пулемётчик, погибли бы мы все. И не слушать бы вам сейчас этого рассказа, а мне бы не рассказывать...

Так начинается рассказ Н. Ф. Григорьева «Двенадцать поленьев», и в этом рассказе всё правда: и то, что рассказчик, Николай Фёдорович Григорьев, был командиром бронепоезда, и то, что воевал на бронепоезде пулемётчик — неунывающий Паша Сироткин, и то, что боевых историй, что случались на бронепоезде в гражданскую войну, было не счесть.

Весть об Октябрьской революции нашла прапорщика Николая Григорьева в окопах Прикарпатья — шла первая мировая война. В разных переплётах пришлось ему побывать: организовывал он оборону города Проскурова, отсидел в тюрьме у Петлюры, кочегарил на паровозе... пока волею обстоятельств не оказался на бронепоезде «Ганзя» в легендарной дивизии под командованием Щорса. О том забываемом времени напишет потом Н. Григорьев немало книг: «Бронепоезд „Ганзя“», «Наш бронепоезд», «Сапёр Ребров», «Боевая хитрость», «Только вперёд!»...

загасите свечу. Это дурная примета. Отпечатки его босых ног на снегу. Он никогда раньше не ходил босиком по снегу. В первый раз. И в последний. Что? Я не молчу, нет. Я говорю, пожалуйста.

— ...сочинил, напечатал, а затем распродал...

...Вот сюда? По лестнице? На ступеньках тоже снег. И на дровах. Они вкусно пахнут, дрова. А снег под ногами скрипит. Совсем застыли пальцы.

...Вот к этому столбу? А почему цепями? Они такие тяжёлые и холодные, эти цепи.

Чёрная маска на лице палача.

— Что? — спросил у него притянутый к столбу Жоффруа Валле.

— Мы с тобой давно знакомы, приятель, — сказал палач. — Однажды ты заплатил горшечнику за горшки, которые перебил мой Жан-Жак, царство ему небесное. Теперь твои дружки, которые хотели тебя спасти, тоже не поскупились. Неужели ты и вправду сам отказался бежать? Не бойся, я сделаю так, что тебе не будет больно...

— Что? Уже? — спросил Жоффруа.

Кошки в груди взвыли дикими голосами. Вспыхнуло и взорвалось белыми брызгами солнце. Кошки, не найдя выхода, полезли на волю через горло. Они заткнули Жоффруа дыхание...

...Костёр с еретиком на столбе разгорался долго и неохотно. Сырые дрова шипели. Озябший народ растекался в окружающие площадь улочки, обсуждая подробности казни. Над Парижем заунывно гудели колокола. А снег с низкого неба продолжал падать и падать, укрывая столицу Франции.

Лишь два человека не спешили уходить с площади — мужчина и женщина. Они стояли на коленях и, кланяясь костру, истово молились.

— Господи, — страстно шептал Базиль, — прости его, грешного, прими в лоно своё, упокой его душу.

А молитва, которую возносила к небесам Анжелика, звучала по латыни. Но то была не молитва, то было заклинание.

— *Feci quod potui, faciant meliora potentes*, — шептала Анжелика, что в переводе на французский и на все остальные языки мира означает: «Я сделал всё, что мог, и пусть, кто может, сделает лучше».

После гражданской войны стал Н. Ф. Григорьев журналистом, и неизвестно, как бы сложилась его жизнь, если бы не встреча с Самуилом Яковлевичем Маршаком. В 30-е годы Маршак создавал советскую детскую литературу и привлекал в неё, как тогда говорили, «бывалых людей» — людей талантливых, но и много видевших, много знающих. А как раз в это время журналист Н. Григорьев, побывав в Средней Азии на строительстве Турксиба, выступил в газетах с серией очерков. Впечатления Григорьева о поездке по Средней Азии и легли в его первую детскую книгу. Она называлась «Чёрный жеребец». За ней последовала книга «Полтора разговора» — о работе диспетчера на железной дороге. А за ней — много других детских и взрослых книг.

Грянула Великая Отечественная война — и Николай Фёдорович Григорьев

снова на фронте, на этот раз под Ленинградом. После войны Н. Григорьев — редактор пионерского журнала «Костёр». И снова создание книг, детских и взрослых, темы которых подсказывала сама жизнь. «Приключения крылатого колеса» — о строительстве гидроэлектростанции; «Дядя Русаков и мальчики» — о передовиках производства; книги, посвящённые В. И. Ленину. Более 30 книг в авторском багаже Н. Ф. Григорьева. Так что на книжной полке, которую мы сделали для тебя на 3-й странице обложки «Искорки», — совсем незначительная часть его творчества.

В декабре нынешнего года Николаю Фёдоровичу Григорьеву исполнилось бы 90 лет. Он не дожил до своего юбилея всего полтора месяца. В жизни и книгах Н. Ф. Григорьева, как в зеркале, — все этапы пути, которые прошла наша страна за семь десятилетий.

Девочки обычно любят придумывать сказки про принца-отличника. Мальчики — про Илью Муромца, изучившего дзю-до. Но на днях Кактус слышал, как один мальчик на уроке природоведения рассказал сразу три сказки о нечистой силе. Вначале о бесе, который его попутал, чтобы он просидел в кино три сеанса подряд. Потом о кикиморе, которая вывернула в его доме все пробки, чтобы он не смог сделать уроки. А после двойки в журнал — о том, как кто-то, толстый и с пропеллером, утащил его дневник к себе на крышу.

Как вы, наверное, уже догадались, сегодня в выпуске несколько «сказок» из коллекции Кактуса.

А поскольку наш Кактус ещё и новгородный, то в подарок читателям вместо ёлочек на четвёртую страницу обложки вынесен кактусоврд.

РИСУНКИ * Ю. БОЧКАРЁВА

тору и скажем, что сами будем учить свой шестой «а».

Сказано — сделано.

Всё свободное время заговорщицы стали посвящать географии. Теперь Юрка не путал Гонконг с пинг-понгом, а Борька не называл Вену артерией.

Наконец наступил день, когда друзья решили, что готовы к преподавательской работе.

— Завтра попросим географа, чтобы вызвал, — сказал Борька. — Если ответим на «отлично», значит пора учить других.

На следующий день оба получили по пятёрке.

После урока Юрка спросил:

— Ну что, пойдём к директору? Будем Антона Петровича заменять?

Борька неопределённо пожал плечами:

— Вообще-то он дядька ничего. Знающий.

— Мне он тоже нравится, — поддакнул Юрка. — А главное — спра-

Когда учитель географии поставил Борьке и Юрке по очередной двойке, друзья приуныли. Домой возвращались понурые.

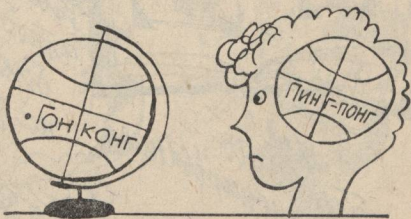
— Не нравится мне Антон Петрович, — вздохнул Борька. — Как увижу его, прямо настроение портится.

Юрка поддакнул:

— И несправедливый очень. Чуть что — двойку ставит. Вот здорово было бы, если бы появился у нас другой учитель географии.

Вдруг Борька остановился, хлопнул товарища по плечу:

— Слушай, у меня идея. Давай выучим географию лучше Антона Петровича. Потом пойдём к дирек-

ведливый. Таких справедливых ещё поискать надо.

— И почерк у него хороший — пятёрки ставит большие. Повезло, что в нашем классе такой учитель. Жалко его менять. А вот историк последнее время мне что-то не нравится. Его бы заменить.

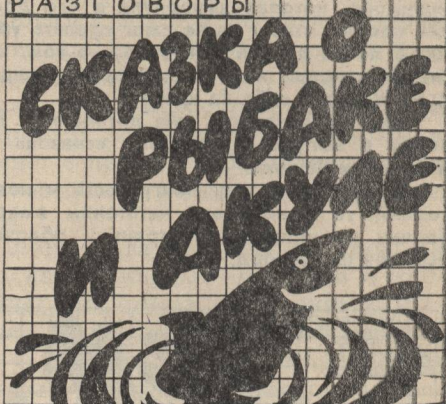
И друзья засели за историю.

ИГОРЬ
ШЕВЧУК

— Было всё само собой.
Ты поверь мне, мама!
Разорвался фартук твой,
Загрязнилась рама.
Сам собой сломался кран,
Брошь куда-то делась,
Раскололся сам стакан.
— А варенье?
— ...стелось!

ПОДСЛУШАННЫЕ
РАЗГОВОРЫ

— Мне приснилось, что я акулу в нашей речке поймал. Огромную! — потягиваясь, сказал первый Рыбак.

— Врёшь. Акулы в нашей речке не водятся, — зевая, сказал второй Рыбак.

— Ты что — забыл? — возмутился первый Рыбак. — Мы же вместе во сне эту акулу вытаскивали!

Катя Семёнова,
101-я школа.

НА КОНКУРС!

УМОРИСТИТЕЛЬСКАЯ ФРАЗА

Мое
хобби — это
кашечкирование
сыняков.
АЛЁША РОМАНОВ,
ШКОЛА-ИНТЕРНАТ
№ 4

Двоетник
каля сожалею,
чтобы его взяли на
буксир, но только
на должность капитана.
ДИМА ВАСИЛЬЕВ,
389-я школа

Мамы
"пришли"
вчера,
"иду" — сегодня
но, а "могут быть"
зайду" — послезавтра.
ЛЕНА КАРПЕНКО,
443-я школа

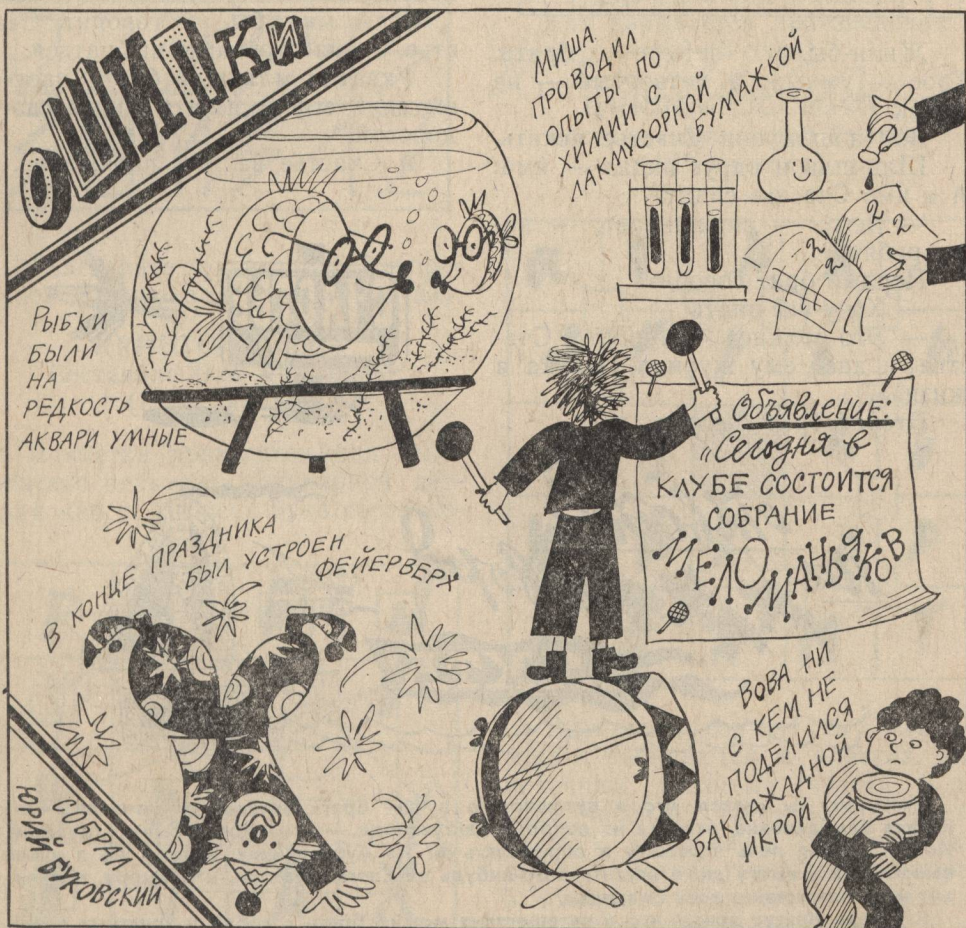

ВАДИМ
АЗБУКИН

Заморская бацилла
болезни разносила.
С опаской обходила
мочалки, щётки, мыло.
Свалила Михаила,
Людмила захандрила...
Но в класс вошёл Гаврила, —
грязнее, чем горилла,
чернее, чем чернила.
Вы знаете, что было?
Гаврилина бацилла
заморскую убила.

Жили-были четыре брата. Трое — умных, а четвёртый — не дурак.

Вот пошли они Счастье искать.

Шли-шли и вдруг видят — яма.

А в яме Счастье сидит.

— Чего, — спрашивает, — надо, ребята?

Первый брат говорит:

— Хочу всё знать!

— Это можно, — говорит Счастье и даёт ему журнал «Наука и жизнь».

Второй брат говорит:

— А я хочу стать самым богатым!

— Об чём разговор? — говорит Счастье. И даёт ему 200 рублей. Мелочью.

Третий брат говорит:

— А я самым сильным хочу стать!

— И это не беда, — говорит Счастье. И гирию ему протягивает. Самую тяжёлую.

— А тебе чего? — спрашивает оно младшего брата.

— А тебе? — отвечает младший вопросом на вопрос.

— А мне бы, — говорит Счастье, — из этой ямы выбраться.

Ухватил младший брат Счастье, вытянул его из ямы и пошёл своей дорогой.

А Счастье за ним побежало...

«Кактус, ты сказал, что в путешествие лучше брать весёлых попутчиков, — написала нам девочка, отвечая на вопросы кактусворда. — А я иногда бываю грустной. Но зато умею печь картошку и определять юг по муравейнику. К тому же я очень выносливая и смогу даже нести какого-нибудь весёлого, если он, к примеру, подвернёт ногу или устанет всех смешить».

Теперь Кактус понял, что в путешествия можно брать с собой и грустных попутчиков тоже.

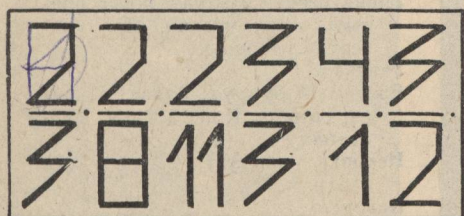
Первыми прислали правильные ответы три Алёши: Угрюмов из 114-й школы, Малышев из 68-й и Сафронов из спецшколы «Красные Зори» г. Петродворца. А также сразу трое ребят из 90-й школы — Владик Минаев, Дима Евстигнеев и Серёжа Елисеев.

КОНКУРС «СТРАНА РОДНАЯ»

Итак, конкурс заканчивается. Лидерами станут те, кто посылал правильные ответы на задания, опубликованные во всех двенадцати номерах «Искорки», или принимал самое активное участие в конкурсе. Между теми, кто пришлёт наибольшее количество правильных ответов на задания, опубликованные в этом номере «Искорки», будет разыгран приз. Срок для ответов — до 15 февраля.

ДРОБИ

Составил Павел Грудинкин
(362-я школа)

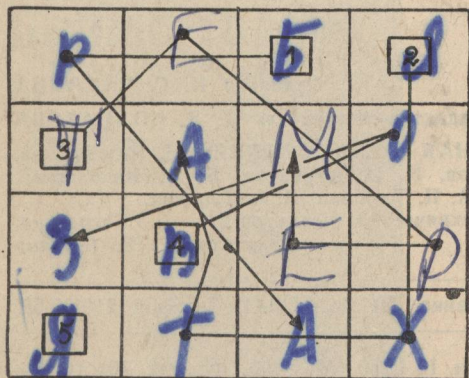

Разгадайте секрет дробей и прочтите дорогое вам слово. (3 очка).

КРИПТОГРАММА

Составила Оля Кузьменко
(339-я школа)

В клетки прямоугольника было вписано название популярной детской книги. Из всех букв составле-

ны новые слова: 1. Настенный светильник. 2. Лёгкое спортивное парусное судно. 3. Верхний жилой

Отдел ведёт Н. А. САДОВЫЙ

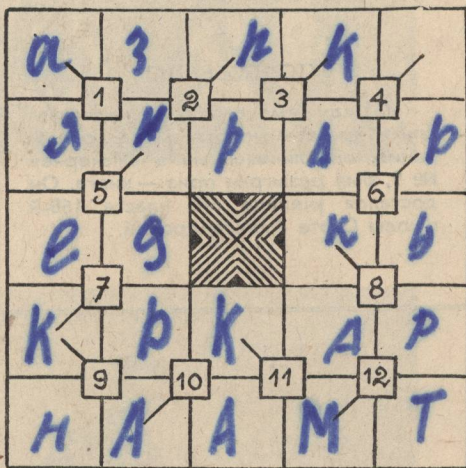
ярус богатых хором в Древней Руси. 4. Телега с поклажей. 5. Местоимение.

Каждое слово начинается в клетке с цифрой, заканчивается в клетке со стрелкой. Промежуточные буквы отмечены точками.

Как называется произведение и кто его автор? (3 очка)

ЦИКЛОКРОССВОРД

Составил Александр Гуляев
(185-я школа)

Все слова состоят из четырёх букв и начинаются в клетках, отмеченных стрелками (читать — по ходу часовой стрелки). 1. Часть света. 2. Награда. 3. Пресноводная рыба. 4. Деталь гусеницы трактора. 5. Мысль. 6. Конечность человека. 7. Хвойное дерево. 8. Река на Кавказе. 9. Подъёмное сооружение. 10. Архитектурное перекрытие. 11. Река в Пермской области. 12. Месяц. (4 очка)

ПРОВЕРЬ СЕБЯ!

[ответы к «Искорке» № 10]

КРУГОМ 65

Цифры следует расставить так, чтобы читалась пословица: «Нет в мире краше Родины нашей».

РЕБУС

«Учение — путь к уменью».

ЧАЙНВОРД «КОСТЁР»

1. Звено. 2. Отряд. 3. Дружина.
4. Артек. 5. Кросс. 6. Салют.

КАКАЯ ПОСЛОВИЦА?

«Без труда не выловишь и рыбку из пруда».

СЛОЖИ И ВЫЧТИ

$$\begin{array}{r} 56 - 36 = 20 \\ + \quad 2 + 30 = 32 \\ \hline 58 - 6 = 52 \end{array}$$

КТО ПОБЕДИЛ?

Между смекалистами, приславшими правильные ответы на все задания, опубликованные в «Искорке» № 9, был разыгран приз — книга. Он достался ученице 6-б класса 168-й школы Свете Александровой.

СОДЕРЖАНИЕ

Столяр Андерсон и Санта-Клаус. Шведская сказка	1
Долгая молодость счастливого человека (К 60-летию В. Н. Суслова)	4
Стихотворения Вольта Суслова Именем Закона! Закон и законность. Рассказ Олега Данилова	5
Сочинитель. Глава из документальной книги Дм. Хренкова	10
Юность Петербурга. Окончание очерка Наталии Глинки	17
Каменотёсы. Рассказ Павла Васильева	22
Счастливые число. Стихотворение Николая Голя	27
Неромантическая принцесса. Сказка Элизабет Боуэн	31
Фортуна. Глава из книги Ильи Миксона	32
Уроки десяти замечательных братьев. Урок второй. Про скатерть-самобранку	39
Узелок	48
Еретик Жоффруа Валле. Главы из романа Константина Курбатова	49
Искорка советует: Прочти эти книги	50
Кактус	57
Клуб смекалистых ребят	59
На 1-й странице обложки рисунок О. Филипенко «Новогодний карнавал».	63
На 2-й странице обложки рисунок В. Шаронова к уроку «Скатерть-самобранка».	
На 3-й странице обложки «Книжная полка „Искорки“».	
На 4-й странице обложки Кактусворд «На курьих ножках» — рисунок Ю. Бочкарева, текст Ю. Буковского.	

Редактор Н. С. ЧАПЛИНА

Редактор-составитель Д. Б. КОЛПАКОВА

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. А. Внуков, Л. Н. Гаврилов, К. И. Курбатов, Б. Н. Никольский, В. Н. Суслов, А. Н. Томилин, И. А. Туричин.

Художник-редактор Л. М. Московский. Технический редактор Н. С. Багрецкая. Корректор С. В. Петрова

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон 210-80-55.

Сдано в набор 03.11.86. Подписано к печати 15.12.86. М-29806. Формат 70×108^{1/16}. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,60. Усл. кр.-отт. 6,48. Уч.-изд. л. 5,71. Тираж 60 000. Заказ № 619. Цена 20 коп.

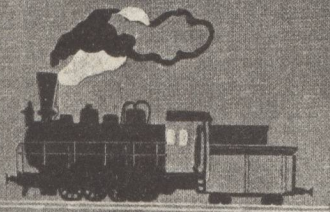
Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

ПРОЧИ
ЭТИ
КНИГИ

НИК. ГРИГОРЬЕВ

ПОЛТОРА РАЗГОВОРА

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛНОМ

НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВ

НАШ БРОНЕПОЕЗД

Издательство
„Детская литература“

НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВ

ДЯДЯ РУСАКОВ и МАЛЬЧИКИ

Издательство
„Детская литература“

Пошёл однажды
Кактус в лес на
мышак и забираться.
Видит - опушка,
на опушке - избушка,
а в избушке
старуха
сидит -
страшная.

КАКТУС

НА КУРЬИХ
НОЖКАХ

- РАЗГАДАЙ
КРОССВОРД, - ПРОШАМ-
КАЛА СТАРУХА. - А НЕ
РАЗГАДАЕШЬ - СВАРЮ
ИЗ ТЕБЯ, ДОБРЫЙ
МОЛОДЕЦ,
ЗЕЛЁНЫЕ
ЩИ!

Наш
Кактус
кроссворд
разгадал
и теперь
хочет испы-
тать своих
читателей: кто из
них мог бы попасть
старухе в пень?

ПОПЕРЕК И НАИСКОСОК:

1. ПРА-ПРА-ПРАБАБУШКА РАКЕТЫ.
2. (слева) ФЕХТОВАЛЬЩИК НА МЕЧАХ В СУПЕРТЯЖЕЛОМ ВЕСЕ.
2. (справа) ВОРОВАТАЯ СТЯПУХА.
3. БЕГУН НА ДЛИННЫЕ ДИСТАНЦИИ.
4. ОЧЕНЬ МУЗЫКАЛЬНЫЙ РАЗБОЙНИК.
5. НАЛОГ НА ЧЕРТЕЙ.
6. ВОДИТЕЛЬ ПЕЧКИ.

ВДОЛЬ:

3. ЗЛОДЕЙ-ВОСПИТАТЕЛЬ.
7. ЗЛОДЕЙ-ДРАГОЖИТЕЛЬ.
8. СЛЕЗОТОЧИВОЕ ОРУЖИЕ ДЛЯ СРЕЛЬБЫ ПО ЗЛОДЕЯМ.
9. ЗЛОДЕЙСКАЯ ПОДРУЖКА.